

ЗОТОВ® МИНУС АНГЕЛ

Кто сказал, что в раю
нельзя убивать?

РАЙТВ

Георгий Александрович Зотов

Минус ангел

Серия «Калашников», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160357
Зотов Г. Минус ангел: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»; М.; 2008
ISBN 978-5-373-01530-1

Аннотация

Ангелы, исчезающие на рассвете не оставляя следов...
Девушка с татуировкой в виде дракона на обнаженной спине...
Черный, жесткий юмор на каждой странице!
Мистический сюжет, основанный на РЕАЛЬНОМ церковном скандале!

Триллер, от которого невозможно оторваться.
Пародии, заставляющие смеяться круче, чем Comedy Club.
Жестокая и смешная история о мести в Раю.
Ад, где Борис Николаевич играет в домино с Пиночетом.
Чистилище, где Чапаев пьет водку с убитым банкиром.
Рай, где телевидение под тотальным контролем.
Интересно?

Просто раскройте книгу. И вы не оторветесь от нее до самой последней страницы.

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвертая	33
Глава пятая	42
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Глава восьмая	58
Глава девятая	63
Глава десятая	74
Глава одиннадцатая	82
Глава двенадцатая	89
Глава тринадцатая	99
Глава четырнадцатая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Г. А. Зотов

Минус ангел

Часть первая

Клыки дракона

Каждый из нас представляет себе Рай как прекрасное общество, полное чудесной вседозволенности, абсолютно лишенное каких-либо запретов. Но никто не догадывается, что и в Раю могут быть свои жесткие правила.

Донатьен Альфонс Франсуа, маркиз де Сад

Пролог

Петрович нетвердой рукой наклонил бутылку над опустевшим граненым стаканом, на дне которого еще с лета упокоилась зеленая муха. Присохшее к мутному стеклу насекомое настолько проспиртовалось, что его охотно принял бы любой музей. Тупо подождав пару секунд, Петрович сильно потряс емкость вверх-вниз на манер бармена за стойкой. К его великому неудовольствию, из пыльного горлышка не вылилось ни единой капли: он уже давно «выжал» бутылку до-

суха. Пошатнувшись, Петрович встал со стула, вяло бормоча ругательства: бесполезная бутылка, задетая его локтем, упала на пол с низенького стола. Обреченно звякнув, она покатилась в угол, где уже громоздилась внушительная «поленница» запыленной стеклянной посуды из-под «беленькой» – в основном чекушки и поллитровки. Нещадно скребя подбородок, обросший колючей седой щетиной, старик снова выматерился. Да уж, повезло так повезло. Как раз срок подошел – только-только уговорил племянша, чтобы, как обычно, отвез его в Москву с *товаром*– и на тебе. С другой стороны, конечно, жестокая напасть приключилась сразу у всей деревни, однако... вот почему эта хрень произошла именно сейчас, когда у него душа горит синим пламенем, в кармане ни копейки, а до пенсии еще три недели? Надо как-то решать проблему, а решить ее может только одно...

Шаркающей походкой добредя до древнего, доставшегося еще от бабушки комода, Петрович мутным взглядом отыскал на одной из полок заветную палехскую шкатулку. Облупившаяся крышка отлетела прочь – в заскорузлых пальцах старика зашелестели несколько потертых, издававших вид десятирублевок. Раз-два-три, ага... ну что ж, зря фигней страдал, не так уж все и плохо – тридцать рубликов как копеечка. На литр самогона у Фроськи точно хватит – а чтобы «освежиться», большего ему сейчас и не надо. Жаль, что бабка бутылки свои обратно не выкупает – а то бы точно с таким запасом пил недельки две подряд. С великим трудом

натянув валенки на опухшие ноги, Петрович надел отведенный молюю заячий тулуп, сунул деньги в левый карман и, подойдя к двери, загремел ржавой задвижкой.

Дверь распахнулась, и старик отшатнулся от неожиданности – на заиндевавшем пороге трухлявого, покосившегося дома стояли двое: судя по их растерянности, они как раз готовились постучать. Мельком скользнув по незванным гостям недобрый взглядом, Петрович едва удержался, чтобы от всей души не харкнуть им под ноги. Их вид не внушал никаких сомнений: это были те самые «голубые», которых за последние двадцать лет так часто стали показывать по телеку. Напомаженные ребята в узких джинсовых курточках со стекляшками и разного цвета обтягивающих штанах, напоминавших женские лосины – на одном фиолетовые, на другом – зеленые. Глазки тщательно подведены тушью, губки подкрашены, на лицах – следы пудры, создающей привлекательную бледность. Ежась от холода, *мальчик* в зеленых *портках* держал в замерзшей руке плоский чемодан. Длинные ногти на пальцах, сжимавших кожаную ручку, были покрыты розовым лаком – от такого зрелища старику стало вконец противно.

– Чего надо? – грубо сказал Петрович, делая шаг с крыльца: отменять поход к Фроське из-за внезапного появления пары гомосексов он вовсе не собирался.

Один из «голубых», склонившись к его уху, что-то прерывисто прошептал.

Старик энергично затряс головой – его затошнило от запаха духов.

– Нету. Сколько можно уже меня пытаться, мать вашу? Всю неделю ломитесь, и вчерась опять приходили, суки поганые. А теперь что, пидорами переоделись? Я ж вам русским языком сказал, как на духу – все сдал, до *последней*. А теперь отвалите на хер, мне в магазин за *молочком* пора.

Гомосек с чемоданом и розовыми ногтями сделал шаг в сторону, но его коллега в фиолетовых штанах осторожно придержал товарища за локоть.

– Тысяча баксов, – грубоватым, неожиданно хриплым голосом обронил «фиолетовый» *мальчик*, отвлеченно разглядывая безоблачное небо.

Петровича повело в сторону, в глазах начало рябить. Схожее ощущение он испытал примерно лет сорок назад, когда на свадьбе у брата спьяну подрался с шурином и получил по голове штакетиной из забора.

– Чего?! – поперхнулся старик, не веря своим ушам.

– Штука, – повторил парень, и в доказательство своих слов вынул из кармана пачку хрустнувших новеньких серо-зеленых банкнот. – Всю деревню уже обошли. Старуха вон там сказала, что у тебя наверняка есть – живешь бобылем, скрыть легче. Не хочешь – как хочешь, дед. Мы отваливаем.

Он с деланным безразличием отвернулся, но Петрович ухватил гостя за плечо. Хмель мигом вылетел из головы – он

уже не видел ничего, кроме зеленых бумажек и той батареи бутылок, которую на них можно купить.

– А на фига вам ЭТО? – спросил он с некоторой опаской.

– Надо – значит надо, дедуль, – с бескомпромиссной прямотой отрезал «фиолетовый» гомосек. – Тебе-то какая разница, за что бабло получать?

Старик воровато оглянулся вокруг – уже темно, на улице – шаром покати. Фонарь, конечно, горит неподалеку, но еле-еле: считай, вообще не светит.

– Ну-ну, ладно тебе... пойдём обратно в избу, сынки... потолкуем.

Он закрыл дверь, предварительно проверив, хорошо ли сидит в петлях задвижка: вдруг кто из деревенских вздумает без стука зайти, у них так принято. Затем, поманив гостей в правый темный угол комнатенки, шевельнул валенком – побитый молью коврик отлетел в сторону. В полу обнаружилась грубо выпиленная вручную крышка люка, обычно скрытого от посторонних глаз.

– Спустимся вниз, – кашлянул Петрович. – *Товар* там, в погребе. Только, ребятки, с одним условием – если потом из ментовки с претензиями подъедут: я вас видеть не видел, а вы меня знать не знаете. Денежки вперед.

Первый «голубой» на его предложение никак не отреагировал: по-птичьи склонив голову вбок, он рассматривал люк. Второй искривил подкрашенный рот в улыбке, протянув Петровичу вожаденные доллары.

– Не беспокойся, старичелло. Это уж само собой.

Троица спустилась по шаткой лестнице в глубь холодно-го, полутемного погреба, где спертый воздух был насыщен запахом мышиного помета и прокисших солений. Подойдя к самому дальнему углу, Петрович, кряхтя, отодвинул массивную кадушку для капусты. Спина немедленно отозвалась резкой болью, и он ухватился за осклизлый край бочки, тяжело дыша.

– Последние две остались. Жечь хотели – я не отдал. С ними все нормально, а жить-то надо, – прохрипел дед. – И новый *товар* покупать – у меня денег нет.

«Голубые» быстро переглянулись. Один из них что-то спросил другого на странном, незнакомом старику гортанном языке. Тот кивнул, коротко ответив. «Ни хрена себе, – грустно подумал Петрович, ожидая, когда вспышка боли утихнет. – Мало того, что гомосеки, так они еще и хачики».

Он медленно выпрямился, держась жилистой рукой за больную спину.

– ЭТО то, что вам нужно? Забирайте и уходите. Условия помните?

– Конечно, – ласково сказал «голубой» и быстро выбросил вперед холеную лапку – черный лак на его ногтях искрился блестящими звездочками.

И в ту же секунду до Петровича дошло, что перед ним никакие не гомосеки, а девки, самые настоящие девки – только с жесткими, даже злобными чертами лица, одетые в мужскую

одежду. Голоса только у них не девичьи, а простуженные и хриплые, словно у лесорубов – оттого и спутал их с «голубыми». «Хеклер и Кох» с глушителем выплюнул облачко дыма, и старик почувствовал тупой удар в левую сторону груди – его отбросило к стене. Больно не было, но он вдруг осознал, что лежит на боку возле кадушки: небритая щека ударилась о замерзший земляной пол. Петрович даже успел удивиться – надо же, боли не чувствует, а холод – да. Он перевел глаза на расплывающуюся фигуру в фиолетовых штанах, мозг обожгла затухавшая мысль, что Фроська сегодня не получит *тридцатник*, а ему не потратить столь неожиданно свалившиеся в карман баксы. Кровь растекалась темной лужей – человек с пистолетом аккуратно отступил чуть подальше, чтобы не запачкать модные итальянские сапожки. Чуть помедлив, он прицельно выстрелил снова – на этот раз в голову.

– Раэль, это действительно так необходимо было сделать? – раздался голос сзади. Лицо *мальчика* в зеленых лосинах выражало подобие недовольства.

Существо с черными ноготками, которое на самом деле было весьма сложно назвать как мужчиной, так и женщиной, опустило дымящееся оружие.

– Да, Локки. Дед сразу бы ринулся пропивать бабки, и вся деревня увидела бы, что у него непонятно откуда появилась туева хуча баксов. А кто дал? Да вот ходили тут двое, просили *одну вещь* продать. – Убийца хрипло усмехнулся. – Старик часто уходил в запой, квасил по-черному – это мне в

трех домах подряд успели рассказать. Его найдут не раньше чем через неделю, до этого не хватятся. А то и позже. За это время мы **всё** успеем. И что ты так нервничаешь, честное слово? Как будто тебе *такое* в первый раз.

– Не в первый, – согласился Локки. – Но если что-то в твоей жизни отсутствует долгое время, то ты успеваешь от этого отвыкнуть, верно?

– Давай не будем погружаться в философию, – улыбнулся Раэль. – Калипсо **ОЧЕНЬ** ждет сегодня результатов, и мы не должны ее разочаровывать. Может быть, ты возьмешь себя в руки и начнешь *работать*? Время дорого.

...Воздержавшись от ответа, существо в зеленых лосинах по имени Локки, присев рядом с трупом, ловко открыло плоский чемоданчик. В удобных кожаных «карманах» покоились странные на первый взгляд предметы – небьющиеся пластиковые колбы, шприцы и скальпели. Достав марлевую повязку, Локки надел ее и протянул точно такую же убийце – тот быстро завязал тесемки на ушах. Вслед за этим Локки извлек из кармашка узкое лезвие скальпеля и посмотрел в угол погребка за кадушкой, где что-то шевелилось. Чуть-чуть помедлив, он натянул на руки плотные резиновые перчатки.

– Осторожнее, – предостерег первый «голубой». – Это очень опасно.

– А то я не знаю, – задиристо повел тонкими плечами второй.

Пружинисто поднявшись на ноги, он переступил через лу-

жу черной, начинающей густеть крови, взвешивая в руке ледяную сталь скальпеля...

Глава первая

Татуировка на спине

(воскресенье, 21 час 20 минут)

Прибой шумел негромко и ласково – волны прозрачного океана, шипя пеной, неспешно облизывали белый коралловый песок. Легкий теплый ветер покачивал верхушки кокосовых пальм, между стволами которых были натянуты шелковые гамаки. Небо пронизывал нестерпимо розовый свет, как будто кто-то размазал по нему лепестки цветов – в «прорехах» виднелись проблески умирающего красного солнца. На песке отпечатались цепочки мелких следов – прибрежные крабы вылезли из своих нор, дабы встретить наступление долгожданной ночи.

Платиновая блондинка, наблюдающая за мельтешением черных спинок на песке, отхлебнула ананасовый сок из хрустального бокала и облизнула верхнюю губу. Интересно, а за какие заслуги попадают сюда *крабы*? Что такого они могли сделать за свою недолгую подводную жизнь? Вытащить тонущую девушку или заткнуть панцирем течь на корабле? Впрочем, какая разница... Тут куда легче с ума сойти, нежели разобраться в подобных тонкостях – за пять тысяч лет она уже научилась это понимать.

Знакомые с кокаином чувственные ноздри вздрогнули.

Блондинка была не то что глянцево-журнальной красавицей, но, по честной оценке опытного ловеласа, ее вполне можно было охарактеризовать как хорошенькую – даже симпатичную. Вздернутый носик, чуть припухлые щечки, подбородок с неглубокой ямочкой. Пожалуй, ее лицо портили лишь губы – тоненькие, как ниточки, еле заметные на бледном лице. Девушка была одета в белый хитон с голубой каймой – из легкой, но в то же время плотной ткани, скрывающей очертания тела.

Пальцы с идеальным маникюром снова сомкнулись вокруг ножки бокала. Блондинка с ненавистью посмотрела на желтую поверхность сока – ее губы уже раскрылись для емкого и краткого слова, но тут раздался противный, полуметаллический звук: «Биииииип!». Красивое лицо девушки исказилось от злости. Ну конечно, как всегда. И что, это у нас и есть идеальное общество? Знала б она об этом раньше, выбрала бы совершенно *другое*. Поживи здесь один-единственный месяц – сдохнешь от рафинированности. Пива бы... честное слово, переспала бы сейчас с кем угодно за бутылку (*биииииииииип*) пива. Да только спи не спи, **нормального** пива на *островах* нет и никогда не будет – исключительно безалкогольное. А порядки? По сути, только что, мимолетно подумав о варианте отдаться за бутылку, она совершила *мыслепрегрешение*. И хотя за мыслями *тут* обычно никто не следил, в случае подобного проступка сотрудникам офиса требовалось составить подробную записку с добровольным

покаянием на имя **начальства**. Пошли они на бип. Ничего она составлять не будет.

Вздохнув, блондинка опять отхлебнула приличную порцию сока – примерно треть стакана. На песок мягко упал кокос с раскачивающейся неподалеку пальмы. К нему тут же устремились крабы, но девушка не обратила внимание на их шуршание. Она взглянула на изящные наручные часы, сделанные в форме лилии. Уже полдесятого вечера – с минуту на минуту в онлайне появится загадочный кавалер, невесть откуда свалившийся на ее голову. Девушка изнервничалась в ожидании его появления – слишком многое зависело сегодня от того, что она должна была услышать.

О-оу! – ойкнула «аська», и блондинка нетерпеливым движением подтащила к себе лежавший на столе голубой ноутбук. Она сразу нашла в контакт-листе того, кто ей был нужен, – ник из двух заглавных букв и цифры – RL2. «Ты на месте? Ответь», – мигнуло сообщение isq. «Да», – быстро напечатала она ответ, бегая наманикюренными пальчиками по клавиатуре. Помедлив, добавила: «Ты сделал то, что я просила?» – И экран чуть дрогнул, как бы испугавшись вопроса. «Скоро сделаю. Жди результата». Значок цветка на мониторе дернулся, словно в агонии, и сделался красным – собеседник отключился: как всегда, неожиданно. На всякий случай она подождала еще минут пятнадцать, после чего нехотя убрала руку с «мышки»: судя по всему, RL2 надолго ушел из онлайна.

Девушка встала, сбросив с себя хитон и оставшись совершенно обнаженной: наклонившись, развязала длинные ремешки на греческих сандалиях из искусственной кожи. Еле касаясь босыми ногами теплых деревянных ступенек, она сбежала вниз, направляясь к пляжу внутри лагуны. Последние отблески солнца весело играли на крепкой маленькой груди с розовыми сосками. «Жди результата» – горячими молоточками стучали в висках буквы из «аськи». Отлично. Она подождет.

Море было теплым словно парное молоко. Впрочем, на иное она и не рассчитывала: редкие местные плюсы в том, что *тут* не бывает штормов или внезапного похолодания. Наслаждаясь прибоем, блондинка медленно вошла в сверкающий океан – вода сладко обволакивала ее бедра. Последний луч солнца окрасил в багровые тона профессиональную красочную татуировку на мускулистой, без грамма жира спине – дракон, держащий за горло красивого юношу с мечом. Когда лопатки двигались в такт ходьбе, челюсти дракона сжимались, как бы откусывая человеку голову. Картинку венчала надпись, выполненная готическим шрифтом: «МЕСТЬ».

Бросившись в волны, она не видела, как ник RL2 в «аське» неожиданно засветился зеленым светом и через секунду снова отключился. В доставленном сообщении было всего одно слово: «Сделано».

Глава вторая

Ребрендинг

(понедельник, 12 часов 27 минут)

Сидя в высоком серебряном кресле под огромным панно в виде двух скрещенных крыльев, Габриэль пристально рассматривал присутствующих. В нем постепенно закипала холодная ярость. Народ за длинным столом, можно сказать, резвился: рассказывал свежие анекдоты, пил святую воду из маленьких хрустальных бутылочек и хвастался новыми электрическими машинками для модной стрижки перьев. Казалось бы, ведь прошли миллионы лет с того момента, как Голос изволил сотворить Вселенную: за это время ангелы могли бы и привыкнуть являться на летучки в назначенный час. Так нет же, минуло уже двадцать минут, а важное совещание никак не может начаться, потому что сотруднички еще не наболтались. Конечно, главного **начальства** с его непререкаемым авторитетом на месте нет, а Габриэля-то самого разве кто будет слушать? Наказывать и даже штрафовать ангелов последние пятьсот лет нельзя – **начальство** запрещает: мол, у нас светлая Небесная Канцелярия, а не мрачный *Город*, где режим построен на жестоком подавлении индивидуальной личности. И, дескать, какое же тогда отличие ласкового Рая от жестокого Ада, если и в Раю все начнут ходить строем,

подчиняясь строгой дисциплине и четким приказам? Нужны послабления. Нет, в чем-то **начальство** право – они и без того уже запретили все, что только можно: легче бен Ладену приехать по туристической визе в Нью-Йорк, чем простому человеку пройти через Райские Врата. В результате народу в Небесной Канцелярии – почти никого, построенные для праведников роскошные виллы на тропических островах пустуют, а в сорокаэтажных фешенебельных небоскребах живут максимум по три-четыре человека. Сто раз говорил **начальству**: надо организовывать БОЛЬШЕ качественной и дорогой рекламы на Земле, чтобы люди бредили райскими кущами, мечтали попасть в Рай, делали это главной целью своей жизни. Уже в Средние века никто не покупался на замшелые правила, которые рекламировали представители *Голоса* на Земле: не укради, не убий, не прелюбодействуй (это в XXI-то веке, где у каждой замужней женщины минимум по два любовника), а *потом*, так и быть, можешь вечно летать по облакам в нижней рубашке и кушать яблочки. Проблема в том, что Голос идет на такие вещи довольно неохотно: дескать, Рай небесный сам по себе восхитительный бренд, поэтому рекламировать его ни к чему. И вообще, любая реклама призвана обманывать народ, а это против райских правил. Ну-ну. Так размышлять было хорошо в эпоху Ренессанса, а в наше циничное время без рекламы далеко не уедешь. Если бы это зависело от Габриэля, то он бы давно уже нанял первоклассных специалистов со стороны и произ-

вел ребрендинг. Вот и сейчас – **начальство** бездумно умотало в очередной отпуск на Землю, а все планерки и совещания неизбежным молотом свалились на его крылья. Объем дел сумасшедший; как тут ни изворачивайся – обязательно сделаешь что-то не так. Неприятно вспоминать, КАК ему досталось в прошлый раз, когда **начальство** в отпуск ушло, а тут Вторая мировая война внезапно разразилась... Голос ему едва крылья не оторвал после возвращения. И коллеги, и лучшие друзья потом «мочили» его на собраниях с такой радостью и упоением, что непонятно, как он вообще усидел в кресле первого заместителя. В этом вопросе лучше всего не стремиться к новизне, а вернуть назад старые традиции. Почему бы изначально не устранять таких земных лидеров, как Гитлер? Практиковалось же это открыто в библейские времена, когда на Землю чуть ли не каждый месяц посылали ангелов возмездия. А это, надо сказать, были крутые ребята: двое из них запросто уделали сразу пару огромных городов – Содом и Гоморру, да так, что камня на камне не осталось. Нет, отряд райского спецназа не расформирован – формально он существует до сих пор, и даже для проформы проводятся тренировки. Но в целом его бойцы столетиями скучают, лениво сражаясь друг с другом в шахматы на базе, и, наверное, полностью утратили свои боевые навыки. Причина проста – Голос потерял интерес к созданному им человечеству, обнаружив, что оно оказалось далеко не таким милым, как он себе первоначально представлял, конструируя Ада-

ма и Еву. Устав разруливать бесконечные войны, кровопролитные казни и увлечение золотым тельцом, Голос в итоге плюнул: «К *этим* ангелов возмездия хоть каждый день отправляй – толку никакого», после чего предоставил людей самим себе. Втайне он наивно надеялся, что они образумятся и придут к нему снова. Но этого не случилось...

Периодически, когда при загадочных обстоятельствах погибал очередной кровавый диктатор, Габриэлю приходило в голову, что некоторые обиженные ангелы втайне от Голоса могли создать собственные «эскадроны смерти» – как в Южной Америке, чтобы ликвидировать зарвавшихся VIP-грешников. Но всякий раз после визита на базу райского спецназа он отметал эту мысль напрочь: из-за полного отсутствия настоящей боевой практики эти бедняги вряд ли смогли бы одержать победу и над парой ручных кроликов. Кроме того, никто из них не пойдет на убийство без официальной лицензии – голубой пластиковой карточки с подписью Голоса. А чтобы ее получить, надо собрать столько бумаг с печатями – на телеге не увезешь, сломается.

Перекрывая галдеж, Габриэль звонко постучал серебряной ложечкой по хрустальному бокалу со святой водой. Кудрявые головы нехотя повернулись в его сторону. Шелест десятков массивных крыльев на секунду замолк.

– Ээээ... я прошу прощения, может быть, мы все-таки начнем? – он показал взглядом на большие часы, украшающие стену над противоположным концом стола – стрелка

уже приблизилась к половине первого. – Если никто не в курсе, то у нас куча дел. Давайте наконец приступим к планерке.

Словно по сигналу, народ трудолюбиво зашуршал бумагами – сотрудники приняли ужасно занятой вид. Габриэль возпросительно взглянул на первого докладчика – с места поднялся курносый ангел с длинными волосами, держа перед собой внушительную вельветовую папку с райским гербом.

– Собственно говоря, уважаемый Габриэль, обсуждать сегодня нечего... как, впрочем, и вчера, – грустно сообщил он, и присутствующие не без труда подавили желание улыбнуться. – Согласно отчету персонала Райских Врат, в течение воскресенья к нам с Земли прибыло: праведников – ноль, благочестивых людей – ноль, святых старцев – тоже, естественно, ни одной штуки. Вот тут подколота записка привратника, который просит выделить ему чистящие средства для протирания Врат от налипшей паутины и ржавчины: иногда их не открывают по три месяца. Наш контингент отличается завидным однообразием: невинные девушки и замученные старики-отшельники. Ну и новорожденные младенцы, попадающие в Рай автоматически, вообще минуя Врата. Остается лишь завидовать методам и превосходно поставленной рекламе конкурирующей организации: последние пятьдесят лет мы не смогли заманить к себе даже одного-единственного дворника.

Габриэль хмыкнул. Надо же, мальчик открыл Америку – как будто эти факты никому из сидящих за столом неизвест-

ны. Жесткие условия попадания человеческой души в Рай в итоге привели к тому, что у них практически нет ни одной знаменитости: ни политика, ни певца, ни даже нормального художника. Все звезды катятся напрямик в Ад – это еще со времен фараонов повелось. Рембрандт? Ну так у него молоденьких любовниц было – пальцы устанешь загигать. Джимми Хендрикс? Он, кажется, даже за сорок лет в *Городе* не отошел от кайфа, коим столь чудесно обеспечила его последняя доза героина. Джон Кеннеди? Саму возможность его появления в Раю даже обсуждать – и то грех. Да пес с ними, со звездами, вот тут докладчик правильно сказал: в Раю любого нормального специалиста, какого-нибудь завалящего электрика – и то днем с огнем не сыщешь. Смешно сказать, гвоздь вбить в Небесной Канцелярии толком некому, ибо разве нормальный-то плотник попадет в Рай? Вот и приходится закрывать глаза на... Впрочем, в данный момент не суть важно на что.

– Все понятно, – устало заметил Габриэль. – А как там у нас дела обстоят с нелегальной иммиграцией? Какие последние новости, Серафимушка?

Ответом ему было молчание и новый, тревожный шорох крыльев. Разом обернувшись, ангелы поймали себя на мысли: они только сейчас заметили, что изогнутое кресло, в котором обычно сидел Серафим, пусто. И на квадратике стола перед ним – ни блокнота, ни ноутбука, ни традиционного стакана со святой водой. Короче говоря, Серафим сегодня

вообще не явился.

Присутствующие ясно видели по лицу Габриэля, что архангел пытается подавить очередной, еще более сильный прилив ярости. Его настроение испортилось окончательно. Похоже, дорогой Серафимчик опять элементарно проспал. В сто двадцать пятый раз. Сколько ему ни талдычь, что на работу надо являться вовремя, – что в лоб, что по лбу. Определенно следует предложить Голосу ввести штрафные санкции – например, Шеф (не к ночи будь помянут) за куда более безобидные вещи превращал сотрудников в пепел. Вот что он сейчас сделает: свернет совещание и отправится к этому типу домой, чтобы застать его в постели врасплох, тем самым исключив возможность вранья (свои регулярные опоздания Серафим оправдывал тем, что ему срочно понадобилось спасать очередную заблудшую душу). Такое свинство происходит уже не в первый раз, и терпение Габриэля лопнуло окончательно.

Архангел плавно поднялся с кресла, оперевшись крылом на стол.

– Объявляется перерыв, – хмуро сообщил он, глядя в зацветившиеся радостью лица офисных сотрудников. – Но никому не расходиться. Я скоро приеду.

Через десять минут Габриэль на правительственной колеснице из червленого серебра, запряженной тремя белыми лошадьми, подкатил к двухэтажной вилле из бамбука, над которой мерно колыхались верхушки кокосовых пальм. Же-

стом попросив кучера подождать, он, помогая себе легкими взмахами крыльев, взлетел по ступенькам на крыльцо. Архангел только собрался забарабанить в дверь, как она неожиданно распахнулась настежь с первого же удара. «Не запер? Да и ладно... от кого тут вообще запирать-то...». Габриэль на цыпочках проник в отделанную в псевдояпонском стиле гостиную, где на стенах висели самурайские мечи с рукоятками из кожи акулы – чтобы в бою не вырвались из руки. Японский тип оформления сейчас очень моден: а утонченный, словно девушка, Серафим вообще любил следовать последней земной моде – с тех пор как его понемногу *снова* стали отпускать в командировки на Землю. Поскользнувшись на соломенном мате с изображением самураев, Габриэль все же удержался от бипа, чтобы не подавать кучеру плохой пример.

– Серафим! Просыпайся! – крикнул архангел, по коридорам пронеслось гулкое эхо.

Набирая темп, Габриэль нетерпеливым шагом прошел в спальню, стены которой были обиты голубым шанхайским атласом. Вопреки его ожиданиям, в огромной трехспальной кровати никто не спал сном младенца, однако одеяло и подушки были характерно смяты, как будто на них еще недавно кто-то лежал. К удивлению Габриэля, он не обнаружил Серафима ни плавающим в мраморном бассейне, ни лежащим в шезлонге на белоснежном пляже или нежащимся в японской сауне с горячими камнями. Служебный сотовый телефон ле-

жал на столике включенным, одиноко попискивая неотвеченными звонками. Взяв аппарат в руку и рассмотрев дисплей, Габриэль заметил, что будильник был включен аккуратно на десять часов утра. Но куда же исчез хозяин аппарата?

– Серафим? – крикнул он снова – на этот раз погромче. В голосе слышалось тревожное недоумение. – Серафим?! – повторил он уже с отчаянием.

Ему никто не ответил.

Глава третья

Бизон Карузо

(четверг, 23 часа 02 минуты)

«Если честно, я сам толком не знаю, зачем я вообще это пишу. Писатель, по правде говоря, из меня хреновый. Да и не жаловали у нас никогда в станице писателей энтих – пользы от книжсек, окромя как цигарку свернуть или до ветру сбегать, совсем никакой. Однако ж, если учитывать, какой ужас мы недавно с его благородием вместе пережили, то за эвдакий страшный рассказ, прямо скажу, четверть водки мало будет ставить. Штабс-капитан мой, господин Калашников, так прямо и сказал: ты, братец, записывай, будет што нам двоим вспомнить на старости лет. О том, што этой старости лет никогда не случится – он, конечно, опять забыл. Мы ж с ним находимся не где-нибудь, а в самом што ни на есть адском пекле – на том свете, где его благородие почти сто годков вкалывает вместе со мной в Управлении наказаниями. Главный начальник этого управления (мы его Шефом зовем) – самолично враг рода человеческого, с рогами, копытами да хвостом с кисточкой. Под его руководством мы дружно изобретаем, как знаменитостей в Аду наказывать – королей, президентов да певцов всяческих. Вот я, совсем как Бизон Карузо на необитаемом

острове, начал вести дневник – день за днем описываю, што с нами случилось и еще случится. Аккурат шесть месяцев назад мы с господином Калашиниковым раскрыли грандиозное преступление в Аду и спасли цельный мир от конца света. То есть разоблачил-то вражьи козни, конечно, в основном я – ну и его благородие, следует честно признать, тоже немножко мне помогал. В Рассее-матушке государь бы меня сразу в фельдмаршалы произвел, а в окаянном пекле (мы его между собой кличем Город, потому что оно в виде города здоровущего построено) только и дали, что пропуск на месяц в квартал нимфоманок – там и Лукреция Борджиа, и Мессалина с фотомodelью Анн-Николь Смит, и даже порнозвезда Лола Феррари. Какой там месяц – всего за неделю измочалили меня так, што до сих пор с трудом ноги передвигаю. А вот его благородию – большие милости от Шефа и глубокий респект. Взяли его под белые ручки да переселили в престижный господский квартал, живет теперь себе на третьем этаже кум королю: лифт никогда не ломается, лихтричество круглые сутки, горячая вода – хоть залейся, соседи не скандалят – сплошь профессора да академики. Мне б такое щастье, а его благородие еще и недоволен – мол, обещали ему возможность с женой Алевтиной повидаться, которая в Раю прохлаждается, но до сих пор динамят. Итить твою мать! Любой другой бы с ума сошел от возможности впервые за сто лет в горячем душе помыться, а его благородию все не нравится. И так особо

улыбками не светился, теперича стал совсем мрачный: хучь ездит на работу на новой „вольве“, а костюм ему аж Кристиан Диор сшил своими руками. Я вот лично своей судьбою доволен, пуцай меня наградой и обошли: чего обижаться, такая наша доля служивая. А уж слава какая на господина Калашникова свалилась! Девушки у Управления наказаниями дежурят, просят ахтограхв, напараци десятками в окна лезут, телевидение обзвонилось, корреспонденты рыдают – просят интервью. Дошло до того, что скоро о его благородии сам режиссер Сергей Понтарчук будет знатный блокбастер снимать – со взрывами и прочей пиротехникой дорогостоящей. Сначала хотели для этого дела Спилберга присобачить, да, говорят, здоровье у него, подлеца, хорошее, помрет еще нескоро. Правда, как только мой штабс-капитан узнал, кто его на экране изобразит, так его три дня пришлось чистым спиртом отпаивать да компрессы на лоб класть: пригласили одного британца – Фредди Меркьюри. А по мне так и ничего – мужик в соку, и главное, что с усами. Его же жинку, Алевтину, говорят, по сюжету и вовсе сисястая хранчуженка будет играть».

Сотрудник Управления наказаниями казачий унтер-офицер Малинин по старой, еще жизненной привычке смачно помусолил обгрызенный карандаш во рту. Долго писать он не мог – быстро уставал, но покрывать серую бумагу крупными кривыми каракулями ему нравилось: начав вести дневник, он явно втянулся. Телевизор за спиной мигнул – во вре-

мя блока рекламы он включался автоматически, ибо обязательный просмотр рекламы входил в условия пребывания в *Городе*. Тусклый свет экрана осветил грязную бетонную коробку без обоев, по стенам которой задумчиво ползали уса-тые сингапурские тараканы, каждый величиной с палец – их разводили в Аду специально. Малинин не обращал на на-секомых внимания – привык. Единственное в комнате окно было выбито и хищно щерилось осколками, вставить стекло у унтер-офицера не было денег. К тому же стекольщик при-ходил по записи – а записывались за год. Впрочем, достав-ку стола он ждал еще больше – для этого требовались греш-ники, которых по условиям *наказания* обязали каждый день затаскивать мебель на двухсотый этаж.

Реклама показывала счастливых людей, жующих какие-то круглые пирожки. В момент сочного, почти вампирского укуса их лица озарялись бессмысленными детскими улыбка-ми. Впадая в дикий экстаз, они вырывали друг у друга вол-шебные сэндвичи, уплетая их за обе щеки. Из динамиков неслось довольное хихиканье. «Совсем голландский квартал обнаглел, – сонно подумал Малинин. – Мало того, что ма-рихуану в горшках держат под видом кактусов, так теперь они с ней уже на рынок фаст-фуда полезли. Пора шмон на-водить». Ролик заканчивался – двое молодых людей, разма-хивая майками, голышом прыгали на пластиковом столике в кафе. Расплываясь разноцветными шарами, безудержно хо-хоча и кривляясь, в небо летел клоун. Экран вспышкой пе-

ресекла надпись: «Мудоналдс» – вот что я люблю!»

Малинин был равнодушен к «Мудоналдсу». В принципе съесть он мог все, но походы в заведения, где не подают водку, унтер-офицер считал бессмысленной тратой времени. Записав на бумажку мысль о рейде в голландский квартал, казак вяло взглянул на часы. Поздно. Пора помыться ледяной водой да на боковую – завтра рано вставать. Любопытно, а что ему сегодня приснится по условиям *наказания*? В принципе такие вещи, как сны, тоже корректируются *Управлением*. Всю прошлую неделю за ним ночами гонялся с раскаленным молотом кузнец Вавила, дочь которого унтер «спортил» перед уходом в армию – просыпался в ужасе, весь мокрый, а ноги продолжали бежать сами по себе. Отъехав на дряхлом замурзанном кресле от стола, Малинин мечтательно уставился на шкаф, где в тайнике был спрятан заветный графинчик. Конечно, по законам *Города*, после **двадцати трех ноль ноль** употребление крепких напитков категорически запрещалось, ну да где здесь свидетели? Всего стаканчик «на грудь», и можно дрыхнуть.

Телефон зазвонил над самым ухом в тот самый момент, когда унтер-офицер, облизываясь в предвкушении будущего удовольствия, вытаскивал тяжелый графин из потаенного «схрона». От неожиданности Малинин выпустил драгоценную посудину из правой руки, но тут же с потрясающей ловкостью поймал ее у самого пола левой. Освободившейся конечностью он цепко подхватил телефонную трубку, с трудом

удерживаясь на ногах. С перепутавшимися руками он напоминал скульптуру индийского бога Шивы.

– Алё, – прохрипел Малинин, плечом прижимая ухом трубку. – Слушаю.

– Серега? – ворвался в его ухо сильно искаженный динамиком калашниковский голос. – Славно, что ты дома. Сейчас заеду.

Малинин похолодел. В последний раз такой звонок ничем хорошим не закончился. Его одолели тревожные мысли – графин задрожал в руке, раскачиваясь.

– А что случилось? – выдавил он.

– В двух словах не расскажешь, – сообщил Калашников. – Но дела плохи.

– Опять?! – поразился Малинин. – Да сколько же можно?

– Извини, старик, таков уж закон жанра. Ты же детективы читал, верно? Если сыщики распутали одно преступление, то обязательно будет и второе. Иначе кто бы услышал о Шерлоке Холмсе или комиссаре Мегрэ, раскрой они одно-единственное убийство? Да такими лаврами любой участковый мент в Новосибирске похвастается.

– Снова конец света? – побледнел Малинин. – Второй раз я этого не переживу. Давайте откажемся? Небось опять трупов будет выше крыши.

– Утомил, Серега, – озлился Калашников. – Какие трупы? Я сам еще толком ничего не знаю. Приеду, расскажу. Давай доставай шкалик. Побеседуем.

Повесив трубку на рычаг, Малинин медленно осел на пол, забыв распутать руки. Ему вдруг совершенно расхотелось пить водку. Злобно стукнув доньшком графина об стену, он раздавил мирно сидящего сингапурского таракана всмятку. Унтер-офицер знал, что окаянное насекомое скоро оживет – в Аду ведь не умирают.

Но сейчас ему реально хотелось кого-нибудь убить...

Глава четвертая

Синдром козла

(четверг, ранее, 21 час 11 минут)

Шеф взирал на окованную золотом дверь кабинета с видом крайнего недоверия. Только что с ним связалась его верная секретарша, французская королева Мария-Антуанетта, и взволнованным голосом сообщила: прибыл необычный посетитель по **крайне важному делу**. Настолько необычный, что Шеф мигом забыл про все срочные встречи. Подумать только, **они сами уже его ищут**. Еще не так давно он даже мечтать об этом не мог. Как хорошо, что он никогда не спит, иначе сразу решил бы, что ему это снится. Что ж, столь ценный момент не грех продлить на пару минут, маринуя гостя в огромной приемной. Мстительно щелкая хвостом, Шеф подождал еще некоторое время, дабы помучить пришельца, после чего лениво нажал кнопку громкой связи длинной фалангой мохнатого пальца.

– Впусти, – официальным тоном произнес он. Взяв в руки пачку бумаг и водрузив на нос очки, он принял позу крайне занятого существа.

Дверь отворилась, в проем неслышно проскользнула фигура, одетая в длинный, до пят, монашеский плащ с капюшом. На спине возвышался неровный горб, но Шеф отлич-

но знал, что это не врожденное уродство. Следовало сделать вид, что он его не узнал, однако босс не удержался.

– Надо же, кто тут у нас! – Шеф сдвинул очки на кончик носа, вперив взгляд желтых глаз в посетителя. – Гаврюша собственной персоной! Ну что, дорогой мой? Голос опять имел глупость оставить тебя на хозяйстве, а ты сел в калошу, как в прошлый раз, когда проморгал дельце с фюрером?

Шеф знал, что вполне может позволить себе разговаривать с гостем подобным пренебрежительным тоном. Если уж пришелец решился на неслыханную дерзость: заявился в его кабинет инкогнито, значит, ему что-то **ОЧЕНЬ** от него нужно. Фигура молча потянула черный капюшон с головы – по плечам рассыпались золотистые кудри, открылось волевое, молодое лицо с тонким носом и щеками, покрытыми светлой бородкой. Не дожидаясь приглашения, Габриэль сел в неудобное кресло по другую сторону стола.

– Голос ничего не знает о моем визите сюда, я принял решение о встрече с тобой на свой страх и риск, – тихо произнес он. – Пришлось употребить VIP-пропуск, который позволяет представителям Небесной Канцелярии ездить в Ад с инспекцией. Правда, за все время его ни разу никто не использовал. Нам необходимо срочно посоветоваться. С недавних пор в Раю начали происходить странные вещи, и я не могу найти им логичное объяснение.

Шеф ощутил прилив хорошего настроения. Определенно день завершался очень удачно – когда архангел уйдет, надо

будет что-нибудь выпить.

– Искренне поздравляю, – садистски улыбнулся он. – Второй раз подряд так круто проколоться – этого Голос тебе точно не простит, несмотря на столь широко рекламируемую политику его всепрощения. Пошлют на Землю ангелом-хранителем, будешь пахать в две смены: днем регулировать дорожное движение во избежание автокатастроф, а ночью шептать на ухо девушкам-подросткам, чтобы не снимали трусики раньше времени.

Габриэль разочарованно пошевелил крыльями – его спина вздрогнула. Подняв голову, он твердо посмотрел в торжествующие глаза Шефа.

– Какое же ты все-таки злобное создание, – грустно протянул архангел. – Неужели все забыл? Ты ведь когда-то тоже был ангелом, в одной конторе служили – наши столы в главном офисе стояли друг напротив друга. Разве не помнишь, как на пикники в сторону коралловых островов всей конторой по воскресеньям ездили? Ты там еще на гитаре играл, душа компании.

– Я-то как раз все отлично помню, – в голосе Шефа слышались металлические нотки. – В том числе и тот сладкий момент, когда я стал падшим ангелом – а вы все, как один, дружно проголосовали за мое низвержение из Рая. Помнится, ты тоже против этого не возражал... дорогой Гаврюшенька.

Из его ноздрей взвились тонкие струйки черного дыма –

признак гнева. Габриэль нервно вертел в руках взятую со стола золотую ручку.

– Мужик, ну столько лет уже прошло – хватит дуться, а? – с раздражением заметил архангел. – Существуют такие вещи, как корпоративная этика, а ты ее нарушил – публично выступил против руководства. Сам знаешь – если бы в Библию не было утечки, все бы ограничилось выговором на планерке, а так уж извини – пришлось тебя скинуть с облаков в пекло. Интересно, а что бы ты сам сделал с человеком, который попробовал захватить **твою** власть?

Шеф не на шутку задумался, поскольку возможных вариантов было множество. Заметив его колебание, Габриэль с привычной ловкостью перехватил инициативу.

– Вот видишь! Корпоратив, приятель, вообще сложная штука: может, кто-то из ребят в душе тебя и поддержал, но нельзя отрываться от коллектива. Да и потом, положи руку на сердце, неужели ты сам жалеешь? – Габриэль усмехнулся. – Ты посмотри, что приобрел взамен! Под твоим началом миллиарды, тебя славят в сотнях кинолент, твой образ увековечен в искусстве, тебе поклоняются на собраниях! Ты превратился в бренд.

При этом безобидном слове Шеф заметно напрягся, уставившись на собеседника с ненавистью. От колебаний не осталось и следа.

– Бренд? Интересно, как бы тебе понравилось, если бы твоим символом сделали козла, – злобно прошипел он. – Ты

когда-нибудь вживую этих козлов вообще видел? Мне лично не очень приятно с козлом ассоциироваться. Вашего креативного отдела небось работа?

– Ну, нашего... – неохотно признался Габриэль. – Но, с другой стороны – с кем тебя, извини, ассоциировать? С фламинго, что ли? Согласись, у тебя довольно мало сходства с фламинго. А у козла все же рога...

– Все, хватит, – взвился Шеф. – Такими фишками пользоваться – натуральный черный пиар. Я уж молчу про ваши тайные махинации с Голливудом. Знаешь, тебе бы тоже не понравилось, если бы тебя сыграл Роберт де Ниро, который на экране утверждает, что человеческая душа заключена в яйцах.

– К Голливуду я никакого отношения не имею. У меня к ним свои претензии, мечтаю на британский флаг порвать, – отчеканил Габриэль. – Видел триллер «Константин»? Мало того, что я там по сюжету порядочная сволочь, так ко всему прочему – еще и баба. Тебя-то хоть крутые мужики изображают.

Шеф облегченно засмеялся.

– Ну не всегда мужики. В «Ослепленном желаниями» меня играла фотомodelь Лиз Херли. Но я существо терпеливое – вот попадет она как-нибудь к нам в *Город*, тут-то мы нежно и поболтаем с глазу на глаз.

– А раз терпеливое, – взял быка за рога Габриэль, – то должен понимать нашу ситуацию. В Раю реальные проблемы.

Народу нет СОВСЕМ, просто беда. На множестве островов пятизвездочные виллы тысячелетиями стоят пустыми, обслуживающий персонал мается от безделья. Тебе разве требуются еще души? Ты же не знаешь, куда эти девать. Дай и нам немного себя попиарить, чтобы в Небесной Канцелярии постояльцев стало больше. На черный пиар люди лучше ведутся, ты это не хуже меня знаешь. Мало расписывать, какой ты хороший – надо как следует оплевать соперника: только тогда ты и будешь в шоколаде. Официально мы в авторстве черного пиара признаваться не можем, считается – не наш метод. Но души-то нужны.

Архангел широко развел руками, символизируя необходимость душ.

– У вас не пиарщики, а говно собачье, – парировал Шеф. – Толку-то от них, с вашими идиотскими правилами? Остров, где Валгалла расположена, пустой стоит? А почему? Потому что викинги, **по их правилам**, попадают в Рай исключительно с мечом в руке. Но если викинг прибыл в Валгаллу с этим самым мечом, значит, он кого-то уже убил, верно? А в ваших заповедях твердо сказано: не убий. Вот и нет до сих пор в Валгалле ни одного викинга.

– Сам знаю, – кисло ответил Габриэль. – Слушай, старичок, давай хоть сегодня не будем ругаться, а? В чем ты точно прав: я попал. У нас такие проблемы, что реально просто ужас. Ты себе даже не представляешь.

– Есть чему порадоваться, – оптимистично заметил

Шеф. – Ты не забыл, что я в вашей конторе уже давно не работаю? Вам убыток – мне прибыль. Ну ладно, давай выкладывай, что там стряслось. Ты меня заинтриговал.

– Короче, дело такое, – понизил голос до шепота Габриэль. – Но пускай это будет между нами, о'кей? В общем, начиная с этого понедельника из головного офиса Небесной Канцелярии начали бесследно исчезать ангелы – руководители крупных отделов. Один за другим. Непонятно куда.

– То есть? – приподнял бровь Шеф.

– В понедельник пропал Серафим, начальник отдела нелегальной иммиграции. Во вторник – Рафаил из креативного подразделения. Вчера – мой помощник Михаил. Во всех случаях – дома пустые, никого нет, в одной комнате нашли упаковку из-под ананасового сока. Словно испарились. У Серафима хитон висел на спинке стула, мобильный телефон лежал рядом с кроватью. Все постели смяты, то есть ночью они в них спали. Облазили каждый сантиметр в окрестностях, проверили каждую пальму. Их просто нет. Привратник клянется, что через Райские Врата ангелы не проходили.

Шефом овладела сильнейшая тревога.

– Пепел на полу не видели? – спросил он с беспокойством. – Ты помнишь те недавние события в Аду, когда киллер-контрактник убивал святой водой?

– Ни соринки, – отрезал Габриэль. – Народ, конечно, еще не в панике, но довольно близок к ней. Среди праведников поползли слухи, все гадают, кто исчезнет следующим, у

некоторых настоящая депрессия. Главное, никто понять не может: они сбежали сами, или с ними что-то случилось?

– Мда... штука и верно неприятная, – задумался Шеф. – Но я-то чем могу тебе помочь? У меня даже версии никакой нет, что у вас произошло.

– Да видишь ли... – неуверенно почесал крыло Габриэль. – Мы вчера на закрытой планерке постановили... тремя голосами против двух, что надо к тебе обратиться, иначе дело дрянь. Именно у тебя работает мужик, который распутал мудреное дело с отравлениями святой водой в Аду. Голос возвращается из отпуска уже в воскресенье, через три дня. Если за это время мы не поймем, что случилось, или, не дай Голос, пропадет кто-то еще из ангелов – нам крышка. Так вот, будь добр, одолжи мне этого мужика.

– Как прекрасно устроены личные отношения внеземных созданий, – глубокомысленно заметил Шеф. – Ты мне пять тысяч лет не звонил и даже не поздравлял с днем рождения. Но как только у тебя возникла проблема, которую ты не в состоянии разрешить, ты в ту же секунду материализуешься в моем кабинете. Ты не находишь, что это выглядит немного странным?

– Я не буду ломаться, мои интересы корыстны, – согласился Габриэль. – И конечно, ты тоже захочешь что-то взамен. Извини, душу не предложу.

– Мне и не требуется, – отмахнулся Шеф. – Как ты правильно заметил, я сам не знаю, куда их девать. Тем не ме-

нее мне не нравится, когда вещи выходят из-под контроля. Столько тысяч лет все было спокойно, а в последний год началась несусветная лажа: в Аду убивают, в Раю ангелы пропадают без вести. Такие штуки следует пресекать в зародыше. Только по этой причине я одолжу тебе своего сыщика, но давай, справедливости ради, баш на баш. Ты не будешь об этом докладывать Голосу, а мы соберем креативное совещание на нейтральной территории – скажем, в Крыму, где разработаем мой новый символ на Земле. Фламинго не надо, но козел тоже чересчур.

– Заметано, – облегченно выдохнул Габриэль и незаметно для Шефа ловко вытер холодный пот со лба. – Когда нам ждать твоего человека?

– Я сейчас вызову его к себе, – ответил Шеф. – Посмотри пока телевизор.

Пододвинув к себе электронную записную книжку, он нажал букву «К»...

Глава пятая

Ликвидатор

(четверг, 23 часа 35 минут)

«Аська» мигнула долгожданным зеленым огоньком – громкость была сделана максимум, и блондинка услышала «ку-ку», сидя верхом на тренажере в соседней комнате. Спрыгнув с жесткого сиденья, она побежала через просторный бамбуковый холл к ноутбуку, установленному на столе веранды. RL2, как и обещал, вышел на связь стабильно, минута в минуту.

Новость ошарашила ее. В глубине души она предполагала, что такое может произойти, но не планировала, что Габриэль ради спасения своего кресла окажется готов на все – даже на прямое сотрудничество с Шефом.

«Дела идут не так хорошо, как мы думали, – мигало сообщение. – Габриэль лично посетил Шефа, они провели тайные переговоры. Даже я этого не ждал, учитывая давнюю напряженность в отношениях между Адом и Раем».

Девушка нахмурилась. Коснувшись клавиатуры, она быстро напечатала:

«И что же нам теперь делать?»

«Ничего – хрюкнула “аська”. – Мы *уже* сделали то, что собирались, и назад хода нет. Но если им удастся раскрыть

смысл *нашей* мести... тогда все погибло. В этом случае мы обречены и потянем за собой **остальных**».

Блондинка неловко двинула локтем. Стакан с соком упал со стола на песок – падение было мягким, и он не разбился. Девушка лихорадочно потеряла обе кисти – несмотря на теплый вечер, ей неожиданно стало холодно.

«Наша главная проблема – гость из Ада, – высказывали одна за другой новые фразы в “аське”. – Габриэль добился своего. Я не знаю, что он пообещал Шефу, но тот придет на помощь своего лучшего сотрудника – штабс-капитана Калашникова из отдела расследований. Насколько я слышал – он **ОЧЕНЬ** опасен. Его надо остановить. Есть готовые варианты?»

Пальцы блондинки задрожали. Заставляя себя успокоиться, она слепо пошарила рукой в поисках стакана с соком и удивилась, не найдя его.

«Когда нужно убрать Калашникова?» – спросила она, вперив взгляд в экран.

«Лучше всего в первый же день, – засветились крупные буквы в ответ. – Он прибудет в Рай завтра или послезавтра. Нельзя давать ему ни минуты».

Убрав со лба непослушные волосы, девушка на пару секунд задумалась. *Калашников* ... Где-то она уже слышала эту фамилию... только вот где?

«Ладно. Ты знаешь, у меня в команде есть отличный **ликвидатор**, – ответила она. – Хотя я бы не настаивала на столь

быстром убийстве. Это вызовет подозрения. Нет ли других способов заставить его замолчать?»

Ответа от собеседника пришлось ждать несколько минут.

«Если это поможет, используй любые», – отрывисто мигнул RL2.

Он снова отключился без предупреждения. Поизучав с минуту покрасневший значок ника, блондинка «кликнула» на закладку поисковой системы. В открывшейся строке она ввела нужные буквы, после чего невесомым касанием нажала Enter, нужный адрес был найден за считанные секунды. Еще бы. Тут народу небось не больше, чем в Монако, – странно, что они еще не знают всех праведников Рая в лицо. Немудрено, что фамилия сыщика показалась ей знакомой. Подавив тревогу, блондинка нервно хихикнула, она вновь ощутила потребность в бутылке хорошего пива, и потребность эта плавно перерастала в пьянящее чувство умственного превосходства. Непонятно, почему матриархат на Земле в одночасье рухнул, и на смену женщинам к управлению пришли мужчины? Ведь следует признать: мужчины совершенно не эволюционировали с тех пор, оставшись тупыми и ограниченными питекантропами. Единственный вариант решения любой проблемы представляется им стандартным – поднять дубину и что есть силы хрястнуть противника по голове, чтобы мозги вылетели наружу. Между тем у женщин в этом смысле соображалка работает куда лучше. Они не будут в полночь ждать врага за углом с лопатой, а просто сделают

так, что тот сам наложит на себя руки. Безусловно, на всякий случай она свяжется с **ликвидатором** на *базе* – следует учесть все варианты. Убрать Калашникова, пока он не ожидает атаки, – дело на пару секунд, адские создания в Раю довольно уязвимы. Будет достаточно одной-единственной капли святой воды или острого укола чем-нибудь серебряным. Но к чему приведет столь грубая работа? Если сейчас Габриэль голову себе сломал по поводу исчезновения трех ангелов, то после ликвидации присланного Шефом специалиста он всполошится и начнет проверять всех сотрудников подряд, в том числе и самых *близких*. А вот это ей как раз на фиг не надо. *Девочки* должны чувствовать себя в безопасности, она несет за них ответственность.

Из лежащего на боку стакана на белый песок, впитываясь, вытекала тягучая желтая жидкость. Взяв ручку, блондинка, покусывая от нетерпения розовый язычок, аккуратно переписывала на страничку блокнота высветившиеся на сайте адресные данные Алевтины Калашниковой...

Глава шестая

Борис Николаевич

(четверг, 23 часа 42 минуты)

Еле-еле пробившись через пробки к малининскому панельному дому, находящемуся в центре трущоб, Калашников с первых минут понял, что здорово ошибся. Раздолбанный лифт, естественно, не работал, а топать вверх по рассыпающейся лестнице двести этажей Алексей никакого желания не имел. Подкинув на руке новенький мобильный смартфон, выданный Шефом, он нажал кнопку вызова Малинина. Тот немедленно откликнулся:

– Вашбродь? – привычно сократил казак «ваше благородие».

– Серег, у тебя лифт опять не работает, – сообщил Калашников и услышал в трубке протяжный стон. – Извини, но мне в лом подниматься на такую верхотуру. Придется тебе самому вниз нагрянуть как можно быстрее. Оденься полегче, возьми вещи – машина ждет, нам надо сразу ехать.

– Куда? – трагически задрожал малининский голос в динамике.

– Тащить верблюдоб, – привычно зарифмовал объяснение Алексей. – Давай мы сейчас это по мобильному обсуждать не будем, лады? Беги быстрее.

Отключив связь и попросив шофера заглушить мотор, он в ожидании помощника сел на лавочку возле подъезда – предварительно проверив, не окрашена ли она. Рядом под высохшим деревом, несмотря на поздний час, резались в домино трое пенсионеров. Голос одного из них показался Калашникову знакомым – слышал в новостях о прибытии VIP-персон.

– А штаааааа это ты уже второй раз «рыбу» выложил? – гневался седовласый дедушка с одутловатым лицом, активно жестикулируя рукой, на которой не хватало двух пальцев. – Я тоже хоть раз выиграть должен, понимаешь.

Партнеры по домино устало переглянулись.

– Борис Николаевич, ты, чай, не дома, – агрессивно ответил один из них, генерал в темных очках и темно-зеленом мундире с нашивками. – Это тебе в Москве все министры в теннис поддавались, а тут уж извини-подвинься.

Генерал говорил по-русски с ужасным акцентом, но довольно правильно. Некоторым иностранцам язык Ада давался легко: впрочем, все новички так или иначе проходили шестимесячные курсы ускоренного изучения.

– Неужели я никогда не выигрывал в теннис? – расстроился Борис Николаевич. – Ну и свинья же ты, Аугусто. И вообще: кто тебе, понимаешь, позволил меня учить? Меня народ демократически на должность избирал, а ты при перевороте людей перекрошил кучу. Я хоть старушек не убивал.

– Ага, – подтвердил генерал. – Ты их ограбил. И если я

такой плохой, фигли вы ко мне в Чили ездили толпами, чтобы перенимать опыт экономического успеха? И слюной от зависти давились: о, вот бы нам своего Пиночета, а?

Борис Николаевич смущенно отвернулся, закашлялся и сделал вид, что занят перекладыванием потертых костяшек домино.

– Бурбулиса ко мне присылали, – наседали военный. – Политики ваши из моего кабинета не вылезали. Я же сказал: первым делом коммунистов расстрелять.

– А потом что? – не выдержал дедушка, уронив костяшку.

– Потом не знаю... – запнулся генерал. – В общем-то других рецептов у меня и не было. Просто, если что-то не получается, то надо опять расстрелять коммунистов, и все пойдет путем. Беда в том, что они быстро кончаются и начинаются новые проблемы в экономике. Тогда метод другой.

– И какой, понимаешь? – полюбопытствовал Борис Николаевич.

– Расстрелять еще кого-нибудь, – мечтательно улыбнулся Пиночет. – И объяснить, что все проблемы были из-за него. Только так при настоящей демократии и продвигаются рыночные реформы. Всему вас учить надо.

Третий пенсионер, одетый в майку и тренировочные штаны, полусонно слушал перебранку за столом. От него пахло техническим спиртом, глаза были мутны, он смотрел куда-то в сторону, теребя в руках локоны свалывшейся кудрявой бороды, где застряли остатки пищи. Присмотревшись, Калаш-

ников узнал его – это был персидский царь Ксеркс, которому весной в качестве сеанса наказания показали фильм «300 спартанцев». С тех пор он не мог выйти из запоя: не у каждого выдержат нервы, если увидишь себя на экране голым двухметровым уродом с пирсингом и педерастическими наклонностями.

Бухнула дверь, из подъезда, хрипя, вывалился Малинин. Подойдя к скучавшему на лавочке Калашникову, он отдал честь и свалился у его ног.

Алексей, нагнувшись, ласково потрепал казака по плечу: – Ты прикинь, Серега... тебе ведь еще и обратно потом идти.

– Знаю, – сипел с потрескавшегося асфальта Малинин. – Лучше сдохнуть.

– Уже, – прервал его страдания штабс-капитан. – Возрадуйся – хуже тебе не будет. Ладно, давай отползем от этих пенсионеров под другое деревце.

Большую часть пути к деревцу Малинин проделал на четвереньках. Упав у корней, он отвинтил крышку и стал жадно пить прихваченную с собой воду. Через полминуты по его покрасневшемуся виду Алексей понял, что это не вода. Вырвав фляжку, он тоже сделал большой глоток и поперхнулся.

– Ух ты! – в горле словно взорвалась портативная атомная бомба.

– Сам гнал, – признался польщенный Малинин. – Все просто, вашбродь. Система легкая: политура, денатурат, стекло-

очиститель и немного сахара.

– А сахар-то зачем? – отплевывался Калашников.

– Для пикантности, – ухмыльнулся Малинин. – Так что у насстряслось?

По мере того как Калашников рассказывал ему о странной встрече в кабинете у Шефа, где присутствовал загадочный человек в капюшоне, скрывающем лицо, взгляд Малинина прояснялся. Он еще раз приложился к фляжке, дабы окончательно осмыслить сказанное, потер лоб и булькнул.

– Знаете, вашбродь, ночами мечтал – хорошо б в Раю побывать, – признался он. – А теперь и боязно как-то. Нешто они без нас обойтись не могут?

– Не могут, братец, – сдержанно заявил Калашников. – У них ситуация еще хуже, чем у нас – репрессивный аппарат для наказаний отсутствует начисто. Гаишников, чтобы дороги регулировать, – и тех по статусу не полагается.

– Я откровенно думаю, что в ближайшую тысячу лет они ни одного гайшника в Раю не увидят, – заметил Малинин. – А то и позже. Профессия у них такая.

– Неважно, – отобрал у него фляжку Калашников и сделал новый глоток. – Факт в том, что никаких следователей, дознавателей, судмедэкспертов и всего прочего у них нет, поскольку до этого не требовались. А теперь им, вишь ли, до зарезу нужно выяснить, куда из Небесной Канцелярии пропали три ангела, пока Голос из отпуска не вернулся. Иначе задаст он им перцу.

Малинин с суеверным страхом глянул на Калашникова снизу вверх.

– Вашбродь... – тихо, одними губами произнес он. – Да нешто Голос уже не ведает, как там и што происходит? Ему ведь открыто ВСЁ, вы знаете.

– Это, братец, безусловно, – подтвердил Алексей, с сожалением отметив, что на дне фляги почти не осталось огненной жидкости. – У меня тоже были сомнения, но Шеф детально все объяснил. Голос – он ведь тоже не робот, правильно? Работа у него нервная – врагу не пожелаешь: по сути, вкалывает 24 часа в сутки: эпидемию предотврати, войну закончи, землетрясение сделай помягче. А отдыхать надо, иначе глаз замылится. Вот он раз в 70 лет и уезжает на недельку развеяться, дать голове отдохнуть – в основном на какие-то тропические острова. Договоренность в Небесной Канцелярии строгая: что бы ни случилось, хоть ядерная война, во время отпуска Голос беспокоить запрещено, и сам он ни в какие дела не вникает – газет не читает, телевизор не смотрит. Потому что иначе это будет не отпуск, а полная лажа.

Пенсионеры в стороне, устав спорить, застучали костяшками домино.

– Поняааааатно... – протянул Малинин, вытряхивая себе в рот последние капли самогона. – А у вас, вашбродь, есть идея, куды эти ангелы делись?

– Нет, – ответил Калашников, проводив мрачным взглядом полетевшую наземь пустую фляжку. – Я понятия не

имею, где они находятся. Может, и сбежали – такое запросто могло случиться. Они же умеют и человеческий облик принимать, и быть невидимыми. Таким сбежать как не фиг делать.

– Я готов, – сказал Малинин, зачем-то застегивая верхнюю пуговицу черного френча. – Одно только интересно: каким образом мы в Рай попадем?

– Прямого сообщения между Городом и Раем, братец, нету, – объяснил Калашников. – Это значит, что мы сейчас поедем электричкой в *транзитный зал*, то бишь Чистилище, там пересядем на райский экспресс и домчимся до Райских Врат, где нас встретят сопровождающие лица. Я не особенно в восторге от этой поездки, но, во-первых, Шефу не принято отказывать, а во-вторых... – его голос дрогнул, – это хороший шанс встретиться с Алевтиной.

Пиночет и Борис Николаевич с любопытством проследили взглядами, как парочка странных людей села в автомобиль представительского класса с рогатой головой на капоте и покинула дворик, обдав их пылью из-под колес.

– Еще недавно у меня, знаешь, какая машина была? – ностальгически буркнул Борис Николаевич. – Эта так еще – дребадан копеечный, понимаешь.

– Да ты заколебал со своими понтами, – огрызнулся генерал. – Только и слышишь: у меня было то, у меня было это. Ты забыл, кто я такой, что ли? Я, между прочим, тоже не на велосипеде ездил. А твой Бурбулис...

Задремавший к этому времени Ксеркс не проснулся от вновь начавшейся перепалки. Ему снился веселый спартанский царь Леонид, обгонявший его на мотоцикле «Харли Дэвидсон», с банданой на голове и сигарой в зубах.

Глава седьмая

Ледяной взгляд

(пятница, 9 часов 02 минуты)

Подойдя к избе Петровича, Евфросинья сразу заметила, что дверь в дом открыта сквозняком – утренний ветер пошатывал ее взад-вперед, дерево натужно скрипело. Так и есть – допился, старый мерин, весь дом нараспашку: заходи, кто хочешь, бери, что хочешь. А времена нынче лихие – запросто и зайдут, и заберут. Старуха осторожно взгромоздилась на обледеневшее крыльцо, с трудом сохраняя равновесие. Проведать соседа-бобыля, жившего на самом отшибе их деревеньки, бабка Фрося собралась из шкурных соображений. Вот уже почти неделю тот не являлся к ней за очередным литром самогона, чем проделал огромнейшую дыру в скромном бабкином бюджете. Видать, где-то уже запасася, алкаш чертов. Ходили слухи, что щас народ чего только не пьет – гуталин на хлеб мажет, спирт из него вытапливает, а потом эдакую бодягу продают по десяти рублей, а то и меньше. При такой жесткой конкуренции ей вскорости прямая дорога на погост, особенно после того, что приключилось с деревней **недавно.**

– Дед, ты живой? – крикнула она, вразвалку проходя внутрь комнаты.

Завидев огромную кучу бутылок, одна часть из которых просто валялась на полу, а другая была сложена в своеобразную «поленницу», она поняла, что ее худшие предположения подтвердились. Но через секунду в старушечьем сердце полыхнула искра неожиданной радости: среди бутылок не было ни одной, заполненной хотя бы на четверть, из чего Ефросинья сделала вывод, что явилась как раз вовремя. Скорее всего, старик допился до чертиков и лежит где-нибудь в глубине избы, не в силах подняться. Ничего, сейчас она его похмелит, недаром «мерзавчик» взяла.

– Петрович! Подымайся, к тебе девчонка пришла! – весело закричала бабка Фрося, но опять-таки ничего в ответ не услышала. Тулупа и валенок Петровича в прихожей не было – уж не ушел ли куда пьяным, да не замерз ли по дороге? С него станется. Встревожившись, она двинулась на выход, но тут же остановилась... **погреб!** Чуть не забыла. У Петровича был погреб, она это точно знала – дед хвалился по пьяни, что погреб «особый», сразу и не заметишь: если что, там можно спрятаться. От кого именно дед собирался прятаться, неизвестно – до их деревни даже немцы не дошли. Видно, от зеленых чертей, которые посещали его особенно часто после трехмесячных запоев.

...Так-то оно так, но где ж этот погреб искать-то? Цепким взглядом окинув избу, старуха углядела ветхий коврик, который находился вовсе не в том месте, в каком положено, – уж верно, она бы передвинула чуть-чуть полее, потому что

так будет покрасивше. Женщины сразу подмечают подобные вещи, на первый взгляд кажущиеся мужикам невзрачной мелочью. Подойдя к коврику, бабка Фрося отшвырнула его ногой. Ага... так оно и есть – люк. Но почему Петрович молчит? Полез зачем-то в погреб, да спяну упал с лестницы, сломал чего-нибудь? Всяко бывает. Испуг за здоровье выгодного клиента придал Ефросинье сил. Кряхтя, пусть не с первого, однако с третьего раза она подняла тяжелую крышку за кольцо, откинула ее и заглянула в непонятный, колеблющийся мрак:

– Дед! Где ты? С тобой случилось чего?

Как и в предыдущие два раза, ее обращение пришлось в никуда гулким эхом. Окончательно занервничав, бабка сделала несколько шагов вниз по шаткой лестнице – сверху из комнаты на нее падал тусклый, но все-таки свет. Спустившись, она чуть постояла, пока глаза не привыкнут к сумраку, и вздрогнула, пальцы инстинктивно сжались для крестного знамения. В дальнем углу, возле кадушки и разломанных прутьев, на боку неподвижно лежал Петрович. Он смотрел прямо на нее, и глаза его ярко блестели.

«Бедняга. Видать, в стельку пьяный – сам встать не может», – подумала Ефросинья и заковыляла к деду, чтобы помочь подняться.

Приблизившись к телу, она обмерла – на раскрытых губах замер крик, превратившийся в слабый свист. Петрович был мертв, мертвее не бывает – непонятно, как только она

не разобрала это сразу. В голове между бровей – аккуратная круглая дырка со следом замерзшей крови: то, что она приняла изначально за блеск – это лед в открытых глазницах трупа. Возле груди – огромная темная лужа, покрывшаяся сплошной льдинкой. Пальцы беспомощно откинувшейся руки Петровича, тоже багровые – к одному из них пристало несколько легких, невесомых перьев. «Кровь», – пронеслось в мозгу бабы Фроси, и тогда она закричала – так, что задрожали, казалось, стены избы. «Мерзавчик» выпал из рук и разбился – самогон смешался с кровавым льдом.

Старожилы деревни, прикинув к окнам, с удивлением смотрели на Ефросинью, которая неслась по улице, словно реактивный истребитель – невзирая на семьдесят пять лет возраста и больные ноги. Крича на возрастающей ноте «Ка-раууууууууул!» с такой мощностью, что ей черной завистью позавидовал бы любой вокалист пауэр-метал, она на всех парах влетела в помещение сельсовета, насмерть перепугав беседующую по телефону председателю секретаршу. Не прекращая крика, старуха вырвала у нее из рук телефонный аппарат и начала набирать номер участкового...

Глава восьмая

Маска в окне

(пятница, 9 часов 03 минуты)

Архангел Елевферий потянулся, с мучением расправляя затекшие во сне крылья. Пробуждение отнюдь не было приятным – еще вчера вечером он почувствовал себя крайне неважно, а сейчас ситуация только ухудшилась. Суставы болели, как будто он участвовал в соревновании комбайнеров, голова раскалывалась, глаза слезились – налицо симптомы сильной простуды. Казалось бы, он принял меры предосторожности – вчера перед сном принял тибетскую precious pill¹, которую раздают работникам Небесной Канцелярии. И поди ж ты, наутро – никакого результата. Со звуком плачущей флейты он обширно высморкался в носовой платок, приложил руку ко лбу – тот был горячий, словно сковородка на плите. С чего все это? Вчера с приятелем навещали японский суши-бар L'itsu, поели там роллов с огурцом, попили чайку – ну так чаем-то пока еще никто не травился.

Простые люди на Земле уверены, что в Раю не болеют – дескать, это попросту невозможно в столь идеальном обществе. Наивные, они даже не предполагают, **какие** тут усло-

¹ Precious pill (англ.) – «Драгоценная таблетка». Считается одной из лучших в тибетской медицине. Состоит из смеси горных лекарственных трав.

вия. Праведники и верно отдыхают, а у ангелов и архангелов есть каторжная работа, из-за которой приходится постоянно рисковать здоровьем. Из командировок на Землю, где со времени ее основания Голосом побывали, наверное, все сотрудники Рая, на небо завезена масса инфекционных болезней типа ОРЗ или чесотки. Кроме того, блохи весьма охотно селились в перьях крыльев. Конечно, рак или что-то ужасное в виде опухоли никому не грозит, но все равно неприятно. Так, наверное, чувствовали себя испанские конкистадоры, напоровшись в джунглях Южной Америки на неведомую тропическую малярию с желтой лихорадкой. Другое дело: лечится все это мгновенно, а тут почему-то не помогло. Игра не стоит свеч, он примет еще одну тибетскую пилюлю, а пока позвонит Габриэлю – объяснит, что не сможет прийти на обязательное утреннее совещание. Честно говоря, он вообще не понимал, для чего нужны все эти бюрократические процедуры. Кроме нелегальной иммиграции в Рай, с которой все **для вида** боролись, но знали, что без нее не обойтись, по сути, никаких проблем не было. Если Шеф как-то руководит десятками миллиардов грешников, то с парой сотен тысяч праведников управиться можно совершенно спокойно – тут и к гадалке не ходи. Если бы от него зависело, то он закрыл бы глаза на эту проблему: пусть за неделю без вести пропали три ангела, но не стоило устраивать такой хай и уж тем более обращаться к Шефу. При том, что в Небесной Канцелярии отсутствовала система наказаний, а Голос отбыл в отпуск –

эти ангелы могли наплевать на текущие дела и умотать на один из земных курортов.

Архангел потянулся за служебным телефоном. Ох ты... кажется, он оставил его на кухне, когда болтал с приятелем после вчерашнего прихода с работы. Придется подняться с постели, как бы плохо ему ни было. Давно он так не простужался – еще с визита на остров Шпицберген, где, плывя на льдине, попал в сильнейшую метель. Превозмогая боль, Елевферий спустил одеревеневшие ноги на бамбуковый пол, показавшийся ему чудовищно холодным. Крылья бессильно волочились за спиной и мускулы сводило судорогой. Он оглянулся – влажная от пота подушка была сплошь усыпана полузасохшими перьями. Да уж, какое тут совещание. Определенно будет великим подвигом, если он сможет просто-напросто дойти до кухни и вернуться обратно. В его нынешнем состоянии это тоже не так-то легко.

Мобильник лежал именно там, где он его оставил. Елевферия шатало от слабости. Он протянул к телефону руку, но внезапно услышал за спиной легкий, царапающий звук. Превозмогая боль, он поднял голову и повернулся. Увиденное повергло архангела в крайнее изумление: прямо в оконный проем влезал человек в черной ковбойской шляпе и шелковом плаще. Его лицо было закрыто белой маской – что-то на манер той, что была в фильме «“V” значит “Вендетта”». Маска улыбалась искусственной улыбкой.

Елевферий инстинктивно попятился – боком он задел мо-

бильный телефон, который свалился со стола, от удара об пол со звоном отлетела в сторону «вечная» батарейка. Незванный гость, ничуть не смутившись тем фактом, что его заметили, не спеша протиснулся в окно. Выпрямившись, он отряхнул руками в лайковых перчатках соринки со своего идеально черного костюма. Устремленный на архангела взгляд подкрашенных глаз не отражал никаких эмоций – незнакомец по-птичьи наклонил голову вбок, явно наслаждаясь замешательством хозяина.

«Меч! В спальне на стене висит мой меч» – ошпарило мыслью Елевферия, но ноги уже не повиновались ему – кухня расплывалась, дергаясь и качаясь, глумливо подмигивая ему яркими пятнами. Он открыл потрескавшийся рот, склеенный горячей слюной, но сказать ничего не успел – скользя к Елевферию крадущейся походкой, незнакомец железной рукой в перчатке схватил его за горло. Обрушилась тьма... в последнюю секунду архангел почувствовал, что лежит на полу, а гость неожиданно исчез. Вместо слов слышался хрип, изо рта и носа лилась какая-то жидкость. Внезапно пространство начало вертеться с бешеной скоростью – все краски слились в сплошной калейдоскоп, лопнувший разноцветными брызгами.

...На пляже, куда ниспадали ступени виллы архангела, два краба лениво ползали вокруг желтого кокоса и никак не могли решить, с какой стороны просверлить клешней дырочку, дабы добраться до ароматного молока. Теплый ветер дул в

раскрытое окно, и от него колыхались занавески...

Глава девятая

Девушки топлесс

(пятница, 10 часов 07 минут)

Калашников с Малининым стояли у Райских Врат, часто и нервно оглядываясь по сторонам. Огромные Врата устремились прямо в небо – не было видно, где кончаются зубцы толстых кирпичных стен, которые не пробила бы и атомная бомба. Они позвонили в блестящий медный колокол дважды – еще десять минут назад, но никаких признаков жизни по ту сторону Врат не наблюдалось. Малинин (что вполне естественно) психовал больше, ему с самого начала казалось, что в Рай их не пустят. Вся ночь прошла в утомительной дороге: сначала они тряслись несколько часов в грязной, заплеванной электричке, полной скинхэдов, торговцев порнухой и марихуаной – за образец мудрые креативщики *Управления наказаниями* взяли подмосковные и таджикские поезда – скрестив и то и другое. Прибыв в Чистилище (естественно, электричка опоздала на пару часов), парочка бегом пронеслась на ложенный перрон, где стоял фирменный райский экспресс. После того как недоверчивый кондуктор в лирее и голубой фуражке, то и дело поглядывая на пришельцев, изучил их пропуска и пропустил через особую электронную машинку, оба заняли места в просторном купе. Мали-

нин потрясенно молчал. Кондиционеры, кресла, обтянутые индийским шелком, динамики, транслирующие расслабляющую музыку, холодильник с бесплатными напитками. Унтер-офицер, не веря в происходящее, повторял, трясая головой, словно пенсионерка перед ценником в модном бутике. «Вот он, вот он, Рай-то, какой, оказывается». Калашников, настроенный более скептически, не разделял восторгов коллеги по поводу райских кущей – по его собственному представлению, это должно быть что-то другое, нежели шикарно оформленный поезд с халявной колой. Приняв из рук вежливой проводницы стакан чая, он задумался, глядя в окно, где проплывали белоснежные облака на фоне сказочно голубого неба. Экспресс несясь со скоростью молнии, но это не вызывало головокружения. Все было прянично и как-то уж чересчур замечательно.

Когда они прошли сквозь раздвижные хрустальные двери, поднялись по роскошной витой лестнице из полупрозрачного агрского² мрамора и приблизились к вожаделенным Райским Вратам, обнаружилось, что, вопреки обещанию, их никто не встречает. Круглая каменная будка с надписью «Справочная» (на двадцати языках) была пуста, и, судя по слою пыли на стульчике, в ней уже давно не сидели служащие. Бесплатный телефон-автомат не работал, зато фонтаны вокруг разбрызгивали сладкую душистую воду. Малинин вспомнил

² Агрский мрамор: белый полупрозрачный камень, из которого построен знаменитый на весь мир индийский мавзолей Тадж Махал.

гигантскую толпу на входе в Адские Врата, давку, толкотню, полуразложившиеся тела (некоторые со следами ожогов или вообще без голов), пятиэтажный мат и грубых таможенников, потрошащих чемоданы грешников, – и снова умилился. Калашников же, напротив, панически предположил про себя, что Небесная Канцелярия передумала привлекать их к расследованию. Иначе чем можно объяснить такой холодный прием? Он судорожно дернул потертую веревку колокола еще раз, уже ни на что не надеясь. От звона у него едва не лопнула голова и завибрировали уши. Однако дверь Райских Врат вдруг задрожала и упруго отъехала в сторону – совсем как у шкафа-купе. В образовавшуюся щель выдвинулся мальчик лет десяти в белом хитоне, стриженный «под горшок», светловолосый и худощавый. Его «орлиный» крючковатый нос существенно портил в целом ангельскую внешность.

– Ну, чё трезвоните? – осведомился он на понятном обоим языке. – Тут вам не *Город* – с ночи человека искали, который бы смог по-русски хоть немного объясниться на первых порах. По арамейски-то вы ни фиги не талдычите. – Паренек с аппетитом откусил от большого сочного яблока. – Ладно, заходите, милости просим. Только сначала на таможду – такие правила. Меня Дмитрий зовут, если что – можете называть просто Димон.

Троица медленно прошла по мощенной блестящим желтым кирпичом дороге к огромному полупрозрачному пя-

тиэтажному комплексу, выполненному в футуристическом стиле. Казалось, вся эта многотонная конструкция сейчас оторвется от фундамента и улетит в космос, как диковинный инопланетный корабль. Повсюду развевались голубые флаги, а из динамиков лилась все та же негромкая умиротворяющая музыка. Они вошли в ультрасовременную приемную с плазменными телевизорами, скрипящими диванами из искусственной кожи, а также рентгеновской установкой и металлоискателем, по обе стороны от которого стояли два человека в голубой форме – высокий, упитанный мужчина лет пятидесяти и столь же полненькая девушка. Мальчик пожал обоим руки и с важным видом уселся на один из диванов, догрызая яблоко. Таможенники приветствовали гостей дежурными улыбками и вежливо предложили предъявить для осмотра «то, что не положено к ввозу».

– А что именно не положено? – спросил Калашников.

Таможенница произнесла что-то по-арамейски. Мальчик кивнул.

– Порнография есть? – спросил он, уставившись почему-то на Малинина.

– Даже в купальниках изображения запрещены, учти это, мужик. Хотя, если бы ты был индийским праведником, тебе бы хоть «Кама Сутру» разрешили.

Малинин с тяжелым выражением лица потянул из кармана колоду карт, где были изображены девушки топless. Калашников широко раскрыл глаза.

– Серег, ты чего, вконец обалдел? – прошептал он, косясь на мальчика. – В Рай голых баб тащишь?! Да еще и на картах? Из тебя же котлету сделают.

– Я чего-то не подумал, вашбродь, – тоскливо проскулил Малинин, трясущимися руками роняя карты на отполированный стол. – Предполагал, может вечерком время скоротаем после работы? Привык в *Городе* -то...

По прошлому опыту Калашников знал: объяснять что-либо Малинину с его чудесной деревенской непосредственностью было в принципе бесполезно.

– Далее – алкогольные напитки, – неумолимо переводил мальчик. – Сдаете на хранение. При возвращении назад вам все вернут. Водку, пиво, коньяк, самогон, кальвадос, вино, даже брагу с собой иметь не дозволяется.

По щеке Малинина скатилась непрошенная слеза. Его губы задрожали. Калашников не на шутку испугался за подопечного и сжал ему плечо, что означало: «Спокойствие, Серега, только спокойствие». Унтер-офицер рывками отстегнул две объемистые армейские фляжки, подвешенные под мышками справа и слева, и швырнул их прямо перед таможенниками.

– Подавитесь, – рыдающим голосом сказал он, с откровенной злобой глядя в бесстрастные зрачки крылатых существ, закутанных в отглаженную голубую форму. – Я вообще не пойму, какой же это к матери Рай для русского человека, если здесь даже клюкнуть по-человечески нельзя?! Это не Рай, а...

В этот момент Калашников, решив, что сжатие плеча не действует, очень сильно ударил Малинина в бок локтем. Сначала один раз, потом второй.

– Ах, ну ежели такие правила, тогда что ж тут... оно конечно, – Малинин поднял картуз и взял с макушки еще одну, маленькую фляжку. – Однако о подобных вещах предупредить сразу полагается... если б мне раньше знать, я бы... а прямо тут употребить нельзя? Мы б с его благородием быстренько...

Таможенник сурово покачал головой, и Малинин окончательно смирился со своей участью. Далее уже без протестов были отобраны сигареты, ДВД-плеер, диски с фильмами и свежие *городские* газеты. Набив конфискованным ящик приличных размеров, служащие предложили обоим расписаться, причем Малинин по привычке начал искать ножик, чтобы порезать руку: в *Городе* всегда расписывались кровью. После росписи гостям были выданы две крохотные электронные пуговицы – их сразу же приклеили к уху.

– Это автоматический переводчик-ретранслятор, – бодро растолковал мальчишка Дмитрий. – Арамейский язык, на котором говорят ангелы и архангелы, для вас будет трансформироваться в русский, а когда вы начнете говорить на великом и могучем, то каждый из них тоже поймет вас. Ну а сейчас сядем в колесницу да и домчимся до главного офиса за полчаса. Поскольку раньше создания из Ада в Рай не попадали, я для вас со своего компа распечатал особую памя-

ку: как себя у нас вести и чего беречься.

Он сунул Калашникову в карман мятый листок бумаги.

– Это все? – с ужасом спросил Малинин, наблюдая, как три фляжки, положенные в железный ящик, перекачовали в огромный сейф.

– Да, дядя, – прыснул Димон. – Считай, таможеню вы уже прошли. Хотя прятать тут что-либо бесполезно, это не *Город* – ребята насквозь видят.

По другую сторону таможни их ждала изысканная деревянная колесница, в которую были запряжены три коня в яблоках. Одновременно она чем-то напоминала и фаэтон, и королевскую карету. На сиденье кучера находился горбоносый человек в кепке типа «аэродром», засуетившийся при виде мальчика.

– Эээээ, ара, слющий, уже заждался тэбя, – произнес кучер, снимая кепку и кланяясь. – Вах-вах, нада било предупредить, чито задэржишься.

– Да ладно тебе, Сурен, – отмахнулся мальчик, легко вспрыгивая на сиденье. – Видишь, гостей самого Габриэля встречали. Не брюзжи, поехали.

Кучер причмокнул губами и засучил рукава – взглядам присутствующих открылись волосатые руки в наколках. Конни рванули с места во весь опор. И через пару мгновений вынесли колесницу на сказочно белую курортную набережную, сплошь застроенную симпатичными кафе. Вдали, на чистейших пляжах из кораллового песка виднелись новенькие вил-

лы, построенные в самых различных стилях – от баварского до китайского. Аккуратные крыши были выкрашены в бело-голубой цвет. Праведники вовсю катались в море на «бананах» и скутерах. Над всей набережной парил гигантский воздушный шар с ликом улыбающегося Голоса, положившего руку на шею склонившейся перед ним покорной овцы.

– Серега, ты погляди, солнышко-то какое красивое! – подетски улыбался Калашников. Он не мог оторвать взгляда от неба и растущих по обочинам кокосовых пальм. – И греет как! Не жарко и не холодно. Разве не супер?

Мрачный Малинин восторгов начальства отнюдь не разделял – с тех пор как у него забрали фляжки с любимым напитком, он впал в крайне раздражительное состояние и был похож на женщину во время наступления пмс – его бесило решительно все.

– Вашбродь, – шепнул он на ухо Калашникову, – а откель тут энтот кавказец взялся? Что-то он как праведник не выглядит. Почему он в Рай попал?

Однако в этот роковой момент раздались нежные арфические трели.

– Алё! – крикнул мальчик, ловко выхватив телефон из складок хитона. – Да, это царевич Дмитрий. – А ты кто? Ой, Гаврюш, не узнал – богатым будешь.

В ушах Алексея высокими голосами хора зазвучала каноническая фраза из оперы «Борис Годунов», которую они с Алевтиной однажды ходили слушать в Большой театр. «Вели

зарезать их, как ты зарезал маленького царевича». Вот, оказывается, куда делся маленький Дмитрий, сын царя Ивана Грозного, после того как он, по версии Годунова, «наткнулся на нож в Угличе». Ага, конечно, наткнулся – как говорилось в анекдоте, и так восемь раз. Ну что ж, немудрено, если он в Раю – где ж еще ему быть?

Карету слегка тряхнуло на повороте – Сурен гнал лошадей как бешеный.

– Бибиииип, – сорвался с малининских губ странный металлический звук.

Калашников дернулся, с ужасом посмотрев на подчиненного. Однако тот и сам выглядел не лучшим образом – рот открылся, а глаза вылезли из орбит.

– О, извините, – на секунду оторвался от мобильного царевич Дмитрий. – Совершенно забыл предупредить вас, ребята. Все матерные выражения в Раю строго запрещены, поэтому ваша клипса в ухе автоматически их блокирует.

– Бибиип биииииип биииииииип, – произнес повернувшийся к Калашникову Малинин. – Бип бип, бибиииип бип бибиииииип... бибибипбии...

– Абсолютно с тобой согласен, братец, – посочувствовал Алексей. – Но что тут поделаешь? Сам знаешь – в чужой монастырь со своим уставом не суйся.

Малинин печально бибикнул в ответ и тоже уставился на пальмы. Они объезжали здание со сверкающими окнами, выполненное в форме цветка лотоса: каменные лепест-

ки устремлялись в небо. «Лотос» окружали три шикарных небоскреба, поражавших воображение своим ультрасовременным дизайном: все строения были соединены между собой прозрачным хрустальным мостом – очевидно, колесница въехала в деловой район. Над путешественниками сделала лихой вираж стая белых голубей. Улицы блистали такой неестественной чистотой, что были похожи на музейные экспонаты. Между тем Дмитрий успел закончить разговор с невидимым абонентом.

– Габриэль вас ждет, – сказал царевич, захлопнув телефонный аппарат. Он больше не улыбался, и его мальчишеское лицо выражало серьезность. – Вы очень кстати приехали. Только что, как оказалось, исчез четвертый ангел, по имени Елевферий. Габриэль хочет просмотреть вместе с вами запись камеры наружного наблюдения, он распорядился установить их по всем островам примерно два дня назад.

«Надо же, стоило Голосу уехать в отпуск, и во что превратился Рай? – иронически подумал Калашников, глядя на ссутулившегося Малинина. – Видеокамеры повсюду, открытое сотрудничество с враждебной стороной ради собственной выгоды, атмосфера всеобщей подозрительности – что-то мне это напоминает. Прикинуть, в чем-то Серега даже и прав. Выпить нельзя, курить нельзя, карты запрещены – расслабухи никакой. Как-то я раньше немного по-другому себе Рай представлял. И действительно – армянин этот тут откуда взялся? На святого он явно не похож, да и одежда неподхо-

дящая, опять же татуировки – как будто из зоны откинулся».

Кучер остановил карету рядом с играющим голубыми огнями небоскребом, построенным в форме парусника с крыльями и являющим собой резкий контраст по сравнению с закопченными и полуразрушенными офисами *Города*. У подножия мраморной лестницы стояли две женщины в цветастых халатах, со швабрами, оживленно болтавших на непонятном языке.

Калашников окончательно перестал что-либо понимать.

Глава десятая

Инкогнито

(пятница, 10 часов 15 минут)

Полусидя на мягкой, кремового цвета кровати с парусиновым голубым балдахинном, находящейся в самом центре комнаты, Голос с интересом щелкал пультом гостиничного телевизора, делая звук погромче. Кабельное как раз показывало запрещенный в Небесной Канцелярии фильм «Догма» с Беном Аффлеком и Мэттом Деймоном. Конечно, лично Голосу никто бы не запретил смотреть это кино (да и некому было запретить), однако если все берут с тебя пример, то элементарно следует быть вне подозрений и не держать в кабинете подобный фильмец – потом слухов и обсуждений за спиной не оберешься. Именно «Догма» постоянно прикалывала Голос тем, как люди представляют себе образ своего Покровителя. Кем уж его только не изображали. Сначала – старым дедушкой с седой бородой, в самой «Догме» – длинноволосой женщиной, ревущей, как белуга, а в последнее время появилась упорная и от этого непонятная тенденция показывать его в виде негра. Не то чтобы он особенно протестовал против негров (они тоже его создания), но иногда все-таки следует соблюдать меру. Если этот мир не смогла убить эпидемия чумы, то его определенно добьет политкоррект-

ность. Безусловно, во многих смыслах незнание происходит лишь от того, что люди встречаются с ним исключительно либо в видениях, либо и вовсе после смерти, а обратной связи из Небесной Канцелярии не предусмотрено.

Возможно, сам того не желая, режиссер «Догмы» случайно угадал одну важную вещь из бытия Голоса, именно угадал – Голос ничуть не допускал, что кто-то из доверенных ангелов может анонимно «слить» в Голливуд секретную информацию. Он действительно, хоть и очень редко, все-таки появлялся на Земле под видом совершенно ординарного человека. Сюда он ездил не для того, чтобы вершить высшую справедливость: каждого не покароешь и не вознаградишь персонально – этим занимались специально откомандированные представители Небесной Канцелярии. А вот в качестве места отдыха Земля годилась идеально – чаще всего для тайного визита Голос выбирал удаленный тропический остров в Юго-Восточной Азии. Ему всегда тут нравилось – именно с группы подобных островов он и скопировал впоследствии саму Канцелярию, любовно украсив ее песчаными отмелями из белоснежного кораллового песка, кокосовыми пальмами, разноцветными рыбками у коралловых рифов, тщательно удалив морских ежей с досужими комарами, муссонные дожди и безжалостно палящее солнце. Что-что, а дизайнером он всегда был хорошим, и фантазия у него богатая. Создать девять тысяч видов одних мух на Земле – задача не каждому по силам.

На экране актер Алан Рикман, играющий ангела-посланника, гневно снял штаны перед ошарашенной дамой, демонстрируя полное отсутствие первичных половых признаков. Голос улыбнулся. Любопытно, кто первым решил, что ангелы бесполо, и почему все до сих пор так в этом уверены? Ведь во многих библейских источниках содержится весьма и весьма подробная информация по этому поводу, со всеми сопутствующими разъяснениями. Но кто в XXI веке, скажите на милость, читает Библию? Все только усиленно бравируют фальшивыми цитатами из нее, разученными в Интернете, потому что это стало модно. Мода в принципе ужасно вредная вещь, если всерьез разобраться. Вот, например, в этой России... (*Голос тихо вздохнул*)... как только спустя десятилетия он снова вошел в общественную моду, обстановка просто встала с ног на голову. Все, кто верил и не верил в его существование, от коммунистов до лесбиянок, дружно выстроились в ряд со скорбными лицами и пылающими свечками: потому что не верить в условиях моды было ну как-то совершенно неприлично. Те, кто много лет опровергал само его существование научными методами в блестящих дискуссиях, вдруг в один голос закричали: время было такое, а в глубине души-то мы никогда и не сомневались. Дошло до сюрреалистического абсурда в стиле Пикассо – киллер, идя на дело, ставит ему свечку, чтобы «ничего не сорвалось». Забавная, интересная страна. Надо будет в следующий раз туда поехать, проверить – изменилось ли что-нибудь со времен

князя Владимира. Исключительно смешные люди – сначала камня на камне не оставляют от храмов в его честь, а потом восстанавливают их с детским усердием. Ходят на атеистические демонстрации с красными флагами, а потом громят выставки тех, кто пытается над ним подшутить. Теперь у них даже в дешевой рекламе показывают, что Голос помогает женщине в ванной, присылая ей с небес шампунь нужной марки. Да, с такими никогда не будет скучно...

Вышколенный официант в белом костюме осторожно постучал в дверь: «Вы заказывали фруктовый нектар, сэр?» «Да-да, поставьте здесь, пожалуйста». Все-таки хорошее это изобретение – пластиковая карточка. До этого приходилось ездить в отпуск с сопровождающим, который везде за него расплачивался: по неписаным правилам, Голос не мог прикасаться к наличным деньгам. Габриэль считает это отжившим анахронизмом. Да, возможно – древние традиции сейчас выглядят смешными, но все забывают, что именно они заложили основу современного общества. Людям попросту вредно давать технологические новшества: специфика в том, что они ВСЕГДА используют их не в том направлении. Нет, он вовсе не выступает за то, чтобы на Земле до сих пор бегали в звериных шкурах и с топорами, но... вот пожалуйста, даровал он людям Интернет для быстроты общения. И что? Самые посещаемые сайты в сети – бесплатная порнуха. А когда даруешь изобретение бензина, чтобы он помогал ездить, тоже не представляешь изначально: найдутся тысячи людей,

которые наденут на головы пакеты и будут дышать этим бензином до появления сногшибательных глюков.

Голос пригубил прохладный нектар. Остается надеяться, что на этот раз он выбрал нормальное время для отпуска. Повод волноваться был – в прошлый раз уехал всего на неделю в августе 39-го, и пожалуйста – через три дня Гитлер начал Вторую мировую войну. Габриэль растерялся, не знал, что ему делать – он просто ни разу не попадал в подобные ситуации. Один ангел незадолго до отпуска даже подал ему личную записку с предложением уволить заместителя и взять другого... но Голос решил отослать записку в архив, а Габриэлю предоставить последний шанс. Отменить отпуск? Исключено. Отдыхать элементарно необходимо, для этого он и придумал уик-энды: мусульмане отдыхают в пятницу, евреи – в субботу, христиане – в воскресенье. Хорошо хоть, оставив Габриэля «на хозяйстве», он заранее уладил все спорные вопросы – Иран в ближайшие полгода бомбить не собираются, масштабный голод в Судане предотвращен, подорожания нефти до 250 долларов хоть с трудом, но удалось избежать. Других серьезных геополитических проблем в настоящее время не существует. Втайне Голос мечтал, чтобы люди научились обходиться без него – но у них никак не получалось. Если убрать воинственность и жестокость, то атеизм в принципе – замечательная штука: жители Земли уверены, что его нет, вот и отлично... пусть справляются своими силами, а не смотрят на небо, ожидая от него помощи. Человече-

ство уникально по сути своей. Сначала оно с яростным упорством нарушает твои заветы, а потом от тебя же настойчиво требует вмешательства, помощи и защиты. Логика здесь, извините, и не ночевала. Впрочем, как ехидно заметил бы Шеф: «Разве не ты сам их создавал?»

Воспоминания о Шефе заставили его нахмуриться и отставить нектар в сторону. Плохо, когда в борьбе за души противостоят такие мощные конкуренты. То есть формально Голос не признавал Шефа мало-мальски значимым конкурентом (это нарушило бы правила игры), но факт остается фактом – 99 процентов душ попадает к нему. Правда, что за качество у этих душ... прямо скажем, он не слишком хотел бы повстречать в Небесной Канцелярии людоеда Бокассу или Генриха Гиммлера. Беда в том, что само наличие Шефа в природе развращает подчиненных. Раньше ангелы понимали – если они перейдут в разряд падших, то деваться им некуда – вечная безработица, психологические проблемы и тяжелая депрессия. Теперь каждый улыбается ему в лицо, но в то же время знает – если он вдруг станет падшим, то Шеф с радостью примет его на работу. И как, извините, работать в таких условиях? Однако ничего не поделаешь – не устраивать же конец света. Плохие или хорошие, без разницы: люди все равно – его дети.

Голос отложил пульт. Скоро станет очень жарко. Пора выйти к морю и пару раз окунуться, потом еще один бокальчик нектара – и в бассейн, поплавать. Он сознательно не пе-

реключал опцию телевизора на политические новости. Отдых всегда должен быть отдыхом, особенно после такой работы. Может быть, вообще было ошибкой заселять Землю? Но кто мог предположить, во что это в итоге выльется... Вон, с Марсом или той же Венерой не существует таких животрепещущих проблем: если вдруг землетрясение, так ему и дела нет – все равно в марсианских каналах, как ни воспевай их фантасты, никто не живет. Он подошел к шторам, откинув их движением обеих рук – в глаза ударило слепящее солнце. Через минуту Голос вышел из гостиничного номера, захватив с собой полосатое полотенце.

Высокий человек с длинными светлыми волосами, в майке и джинсах в обтяжку, стоявший у окна в гостиничном номере напротив, опустил тяжелый армейский бинокль. Откопнув заточенным ногтем крышку телефона, тонкими музыкальными пальцами выбил эсэмэску: «Он только что открыл шторы, взял из ванной полотенце. Ушел на море, наверное».

Через минуту на дисплее засветился ответ: «Уверен, что он ничего не подозревает?» Тряхнув головой, обладатель джинсов напечатал сообщение: «Да. Иначе бы это сразу стало заметно». «НЕ СПУСКАЙ С НЕГО ГЛАЗ, – резанули глаза крупные заглавные буквы. – Связывайся со мной, если заметишь любое малейшее отклонение в поведении объекта. Нам требуется еще максимум ТРИ ДНЯ. После этого он уже ничего не сделает».

Захлопнув мобильник, человек подошел к овальному зеркалу, отобразившему молодое лицо с голубыми глазами, опухшими и покрасневшими от бессонницы веками. Жаль, что у него нет сменщика – тяжело постоянно сидеть в засаде, прилипнув к биноклю. Ладно, если все получится, то его, согласно обещанию, заберут **обратно** в Рай – там-то он и выпится как следует. Пока же – требуется идти на пляж, и, сидя в шезлонге, наблюдать за **клиентом** издалека, не привлекая ненужного внимания...

Глава одиннадцатая

«Мертвецкая правда»

(пятница, 10 часов 20 минут)

Зажмурившись от удовольствия, Шеф закурил любимую гаванскую сигару – огонь он по привычке извлек из большого пальца. Через нос полились сизые струйки – чувствительные ноздри обоняли терпкий, но в то же время ароматный запах табака. Чуть помусолив сигару, он выпустил внушительную струю дыма в лицо сидевшему на краешке стула пожилому человеку с черными крашеными волосами. Тот поморщился, на его глазах непроизвольно выступили слезы. Разогнать дым рукой он не посмел.

– И это все? – злобно прошипел Шеф, стискивая клыками сигару. – Ты добивался у меня приема полгода для того, чтобы вякнуть ВОТ ЭТО?

Человек сообразил, что пришел со своим обращением в неудачное время. Однако другой альтернативы не было, поэтому гость бросился в контратаку.

– Но я же многого не прошу, – тонко и сбивчиво заскулил он. – Всего лишь один крохотный бюстик во дворе общежития... Поймите правильно, я так привык за 15 лет. А здесь – ну ни одного моего изображения кругом: ни единого памятника, ни портрета, и на монетах моего профиля тоже

нет, пионеры клятву не приносят, ботинки никто не целует. Верите ли, у меня мания преследования даже открылась. По десять раз в день бегаю в зеркало смотреться – может, я вообще не существую? Так со вчерашнего дня и в зеркале отражаться перестал. Меня что – уже вампиром сделали?

Плавно приподнявшись над столом, Шеф больно царапнул собеседника когтем по мясистому носу. От удивления тот захлебнулся на полуслове.

– Сапармурат, я лично против тебя ничего не имею, – двинул губой Шеф, посасывая сигару. – Мне нравятся люди, влюбленные в себя до мастурбации. Но, видишь ли, ты попал в Ад, старик. Это ты у себя в Ашхабаде был король песочницы, а здесь ты никто и звать тебя никак – таковы условия наказания. Скажу по секрету: ты с книгой «Рухнама» перегнул палку, заявив, что тебе лично Голос ее в ухо нашептал. Напрасно... Голос, он, знаешь, какой обидчивый? – Шеф вздохнул. – Ужас. И книга твоя ему не понравилась – вот он и оскорбился, что ты на него авторство за такую халтуру взвалил. Могу тебя порадовать – ты дешево отделался, ибо с Голосом вообще шутки плохи.

Сапармурат сдвинулся с краешка к спинке стула.

– Определенно, – продолжил Шеф. – Ким Ир Сена знаешь? По глазам вижу, что знаешь. Так вот, ему в *Городе* велели собственную статую строить в одиночку – пятьсот метров в высоту и двести метров в ширину. Нормально? Уже двенадцать лет строит без передыху, бетон месит, за строй-

материалами бегают, леса воздвигают... Теперь просто видеть себя не может – как взглянет в зеркало, так его сразу тошнит. А ты тут жалуешься, скулишь, время мое отнимаешь – ах, колбасит тебя без своего лика, бедняжку. Дорогой мой, да ты еще толком не знаешь, что такое настоящее *наказание*. Вот отправлю тебя на телевидение вести круглосуточно «Фабрику звезд» – что тогда запоешь?

Сапармурат вспотел и задрожал всем телом.

– Ладно-ладно, – успокоил его Шеф. – Я же не фашист. Просто вы мне надоели тут. Ходите, нудите – каждый день секретарша докладывает: то имам Хомейни бородой трясет, то генералиссимус Франко требует приема, то Калигула в углу на диванчике жметя. Скромнички. На Земле-то небось каждый из вас считал, что он сам себе Голос, и Шеф ему не брат, верно?

Сапармурат смущенно потупился.

– Дайте хоть одну секундочку на себя поглядеть, – жалобно сказал он. – У вас же наверняка есть специальное зеркало? Только прическу поправлю.

– Совсем чокнулся? – щелкнул клыками Шеф, и из его ноздрей вырвалось пламя. – Есть вещи, которые и я не вправе изменять. Что это тогда за Ад будет? Такие, как ты, всегда на виду у прессы. Все должны видеть, что *наказание* очень сильно их мучает, иначе простой публике будет обидно. Катись в свою общагу – чтоб я больше тебя не видел. Испепелю на фиг.

После того как дверь за согнутой спиной Сапармурата захлопнулась, Шеф, заполняя пространство кабинета сигарным дымом, отдал время традиционному чтению утренней *городской* прессы, внушительные пачки которой покрывали его стол. Взяв в руку сандаловый карандаш, он по привычке отмечал наиболее интересные моменты в статьях. Первой на глаза попала рубрика «Криминал», напечатанная крупными белыми буквами на черной подложке.

«Скандал: на симфоническом концерте подрались два мэтра», – прочитал он броский заголовок в газете «Смерть» и глянул на крупное фото, где сцепились лысый мужик в очках и молодой человек в парике и буклях. – «Маэстро Ростислав Костропович после краткого, но яростного спора о качестве своей игры ударил Вольфганга Амадея Моцарта виолончелью по голове, – вчитывался в текст Шеф. – Возникла ожесточенная потасовка, в которой приняли участие Бах, Рахманинов, Ференц Лист и Иоганн Штраус, открыто дирижировавший схваткой. Пресс-служба *Управления наказаниями* сообщает, что все принявшие участие в потасовке приговорены к двум неделям исправительных работ – игре в группе “Владимирский централ”».

Перелистнув пахнущую типографской краской страницу, Шеф философски подумал о том, что творческих людей нельзя собирать в одну группу – всегда получается натуральный серпентарий. Даже два гения на одну кухню – и то выходит много. Вспыхивают споры, кто талантливее. Интриги

такие, что византийские сановники языками цокают от зависти.

«Мертвецкая правда» подробно информировала о бурном романе между участниками телесериала «Моя ужасная теща» – Кларк Гейбл закрутил любовь с экс-министром культуры СССР Людмилой Фурцевой. Обманутые супруги обоих, не жалея эпитетов, делились с газетой скандальными откровениями на тему свинства их дражайших половинок. Мда, о политике ни полслова – конечно, постельные подробности скандалов со звездами воспринимаются публикой куда лучше. Ну и, наконец, официоз – «Адская газета». Новый скандал в отношениях между славянской и прибалтийской общинами *Города*: прибалты требуют от славян вернуть им бронзовый памятник, чтобы вновь появилась возможность сваливать на него свои проблемы. «Вот народ ненормальный, – с неудовольствием подумал Шеф. – Шесть месяцев назад они на уши вставляли, чтобы этот памятник убрать. Теперь выяснилось, что у них сам смысл существования исчез, так как со славянами стало ругаться не из-за чего. Что за натура у людей склочная? Казалось бы, смерть должна всех примирять. Даже Монтекки с Капулетти после смерти Ромео и Джульетты в итоге помирились, а эти – ни фига».

Шеф закрыл «Адскую газету». Интересно, как-то там обстоят дела у Калашникова в Небесной Канцелярии? Уже должен был приехать. И ведь не позвонишь ему туда на мобильный – у Рая с Адом нет роуминга. Все общение велось по

одной-единственной телефонной линии с двумя аппаратами: первый в кабинете у Шефа, второй – у Голоса. Шеф, в общем-то, и не пытался скрывать – его тоже волновало, куда вдруг начали исчезать ангелы. Вариантов было немного. Если Голос их уволил втайне от Габриэля, то они бы уже давно объявились у Шефа в кабинете с вопросом о вакансии. Как и положено представителю темных сил, Шеф не считал зазорным мечтать, что когда-нибудь все слуги Голоса разом перейдут к нему на службу. Но, как реалист, он прекрасно понимал, что для осуществления этой мечты надо много работать. Убийство? Да чем же обитателей Рая можно убить... тут уж просто без вариантов. Святая вода их не тронет, все остальное, в том числе и огнестрельное оружие, ангелам по барабану. Простое бегство по какой-либо причине? Хм, и зачем же это делать, если от всевидящего ока Голоса ничего не скроется? Например, ЦРУ сбилось с ног, разыскивая в афганских пещерах Усаму бен Ладена, а Голос с самого начала был в курсе, что никакого бен Ладена не существовало – это любительский виртуальный проект, со скуки смоделированный Шефом на компьютере. Берешь картинки Хоттабыча, африканской антилопы, пару бедуинов – и, пожалуйста, перед вами печальные глаза «террориста номер один». Уффф... да что ж там такое могло случиться в этом Раю? Одно название, что Рай... по крайней мере, так было в его время – бюрократия, громоздкий управленческий аппарат, интриги за «доступ к телу», вражда между сослуживцами, а

тот, кто носит бумаги Голосу на подпись, в ранге полубога.

Внезапно Шефа озарила идея... а что, если... Да-да, в самом деле, почему бы и нет? Особенно учитывая, что ангелов посылали в командировки, где поручали столь суровые вещи, как уничтожение городов – **и не только**. Конечно, карательные акции имели место давно, хотя... Интересная мысль.

Шеф пододвинул к себе телефон с голубой кнопкой и нажал на нее в предвкушении победного разговора с Габриэлем. Сейчас он покажет этим выскочкам в Небесной Канцелярии, *где именно* работают настоящие профессионалы, использующие серое вещество по прямому назначению.

...Ему понадобилась минута, чтобы осознать – связь с Раем кто-то отключил.

Глава двенадцатая

Шрек и осел

(пятница, 11 часов 24 минуты)

«Умру, но не струшу»... нет, не то... «клятву не нарушу»... а это-то здесь при чем? Может быть, «сорви себе грушу»? И для чего грушу? Шиза, блин.

Несмотря на то, что Габриэль был до крайности взвинчен новостью о таинственном исчезновении Елевферия, даже в таком состоянии он пытался заниматься делами – ведь основных обязанностей с него никто не снимал. Работа стоит, а между тем креативный отдел со вчерашнего дня ждет слоган для начинающейся на Земле бюджетной рекламной кампании: средства выделены, пиар-менеджеры ждут. Лозунг необходимо придумать просто убойный. Первая фраза обязана звучать так: «спаси свою душу», и к ней требовалось подобрать достойное продолжение. Мысли крошились на мелкие кусочки, но рифма не шла совсем. Габриэль страдальчески обхватил голову руками и замычал, стараясь выжать из нее последние соки.

– Ээээээ.... простите, к вам господа Калашников и Малинин. Вы просили пропустить их вне очереди. – Белокурая секретарша смущенно улыбалась, стоя у приоткрытой двери. – Сказать, чтобы зашли чуть попозже?

– Нет-нет, – бессильно махнул рукой Габриэль. – Как раз они-то мне и нужны. Закройте приемную. Будут искать, звонить – меня нет. Срочный разговор.

Поблагодарив секретаршу, Калашников с Малининым прошли внутрь кабинета размером со среднее футбольное поле, с любопытством осматриваясь. Здесь не было пульсирующих кровью живых стен, как у Шефа, отсутствовали гранитный камин с головами горгулий и вычурные барельефы с рогатой головой. Все было специально оформлено со вкусом, так, чтобы роскошь не слишком бросалась в глаза, но в то же время присутствовала повсюду. Высокий лепной потолок был украшен росписью библейских мотивов, бархатные голубые обои покрывали стены, на которых висели большие картины, изображающие Голос в различных вариациях (включая уже известный вид с покорной овцой). Дубовые стулья с гнутыми ножками были расставлены вокруг длинного офисного стола, сделанного в виде буквы «Т». Повыше правого подлокотника серебряного кресла, прибитый к стене, красовался длинный меч: с белой костяной рукояткой, в дамасских ножнах, украшенных резной круглой печатью, – схожие серебряные лезвия Калашников успел заметить у попавшихся на глаза в коридоре ангелов. Видимо, это был формальный атрибут персонала, как кортик для морского офицера. От основания стола к ним поднялся и быстро двинулся навстречу кудрявый человек с бородкой – лет двадцати пяти, с тяжелыми крыльями за спиной, настолько большими, что

они волочились по полу. Было видно, что человек пытается изобразить из себя радушного хозяина, однако улыбка была пластиковой, неискренней – словно приклеенной к лицу.

– Меня зовут Габриэль, братья, – певучим голосом сказал хозяин кабинета, не подавая, впрочем, руки. – Хотелось бы пожелать вам доброго утра, но какое же оно у нас доброе... Может быть, вы желаете что-нибудь попить?

Калашников пошевелил языком и обнаружил, что тот царапает сухое небо. Он сглотнул слюну, напоминавшую клей. Да уж, попить бы в самый раз.

– А пиво у вас имеется? – ляпнул Малинин, опередив его мысль.

– Нет, – продолжая натянуто улыбаться, отрезал архангел. – Извините, но Рай вообще-то имеет мало общего с пивной. Могу предложить свежей воды.

– С удовольствием, – любезно ответил Калашников. Он странным образом всего боялся, чувствуя себя не в своей тарелке. Этот человек с крыльями – важное начальство, суперархангел или вроде того. Надо держать с ним ухо остро – возможно, именно от него зависит встреча с Алевтиной. Тем более что тембр голоса один в один как у типа в капюшоне на встрече у Шефа.

Стоя за его спиной, Малинин окончательно пал духом. Он уже сообразил, что Рай – это что-то другое, не то, что он представлял себе вечерами, наблюдая лениво ползающих по стенам комнатухи сингапурских тараканов. В малинин-

ском понимании Рай **обязательно** должен быть полон не только пивных, но также и рюмочных, и полуголых женщин. Но даже малой части всего этого за полтора часа пребывания в райских кущах найдено не было, что погрузило Малинина в депрессию. В *Городе* можно тайком поехать в китайский квартал и купить запрещенное пиво. Здесь, похоже, никакой контрабанды вообще не наблюдается. Биинииип... – металлическим звуком пронеслось в голове, и он сразу сообразил, что электронные пуговицы фильтруют даже крамольные мысли, а не только слова.

Габриэль задержался в приемной, отдав секретарше поручение принести воды – дождавшись, когда она наполнила бокалы и ушла за подносом, он вернулся к гостям. Начав с набора банальных фраз пустую светскую беседу, архангел пристально рассматривал пришельцев. Хороша парочка. Небритый брюнет с черными кругами под воспаленными от бессонницы глазами, шрамом на лбу и сумрачным взглядом, а также рыжий веснушчатый парень с непослушными вихрами, постоянно выбивающимися из-под фуражки. Ну, прямо Шрек и осел из компьютерного мультика. Ладно, остается надеяться, что все, что ему рассказывали про этих типов, – правда.

– Как я понимаю, братья, ваш эээээ... Шеф (*это слово далось ему с трудом*) объяснил вам, в каком трудном положении мы оказались? – сказал он, возвращая на лицо приклеенную улыбку. – Есть мысли по этому поводу?

– Никаких, – развел руками Калашников. – Мы же только что приехали. Однако первое, что я хотел бы сделать, – это тщательно осмотреть виллы исчезнувших ангелов. Понимаю, что там побывали и до меня, но, возможно, была упущена какая-нибудь на первый взгляд незначительная деталь. Разумеется, нам не мешает сопровождающий, который отлично знает реалии Рая.

– Вас всюду будет сопровождать царевич Дмитрий, – сказал Габриэль. – Он, конечно, не из старожилов, но более или менее в курсе происходящего. Не обращайте внимания на его возраст – на самом деле он куда старше. Просто, в отличие от *Города*, у нас можно свободно выбирать, в каком состоянии ты хочешь пребывать в Небесной Канцелярии. Дима не захотел взрослеть, поэтому таким и остался: быть вечным ребенком его прикалывает больше.

– Это да, – охотно согласился Малинин. – К примеру, в три года покупала мне маманя петушка леденцового на ярмарке... так столько радости было! Слюни прям на подбородок текли, ажно визжал я от восторга. А теперь-то чего... есть этот самый петушок, нету... по (бииииииип!) абсолютно.

– Сейчас у тебя на водку полностью идентичная реакция, братец, – сказал Калашников. – Хорошо, против Димы я не возражаю... и вот еще что...

В дверь неслышно проскользнула белокурая секретарша с подносом, на котором стояли три бокала с маркировкой –

один голубой треугольник и два белых. Калашников с благодарностью взял бокал и повернулся к Габриэлю.

– И, конечно, нам понадобится судмедэксперт, – сообщил он, стиснув тонкое стекло в пальцах. – Все-таки хорошо бы провести молекулярную экспертизу.

Надеюсь, у вас в Небесной Канцелярии есть соответствующая аппаратура?

– Аппаратура-то есть, – сказал Габриэль, смахнув с плеча перо. – А вот с судмедэкспертами точно напряженка. Шеф предложил прислать любого профессионального доктора из *Города*, но беда в том, что в Раю официально не может одновременно находиться более двух персонажей из Ада, иначе наш силовой фон автоматически низвергнет вас обратно в преисподнюю.

– Очень странно это слышать, – заметил Калашников. – Например, к вашему офису нас привез кавказец с наколками, которые делаются только на «зоне», это я вам как специалист говорю. Уборщицы у офисного здания – дамы, далекие от образа невинных девиц. По дороге бросилось в глаза – какие-то стремные негры утилизируют мусор, засовывая его в пластиковые мешки. Мне совершенно непонятно: откуда все эти личности появились в Раю?

Габриэль тяжело вздохнул. Отпив из своего бокала, он поставил его на стол. Одно крыло чуть приподнялось – было похоже, что архангел сгорбился. Его глаза блеснули, выдавая смену настроения не в лучшую сторону.

– Беда в том, что все пользуются слишком каноническими представлениями о Рае, – прошептал он, склонившись к лицу Калашникова. – Но между мифом и реальностью существует разница, причем она не обязана быть приятной. Как вы считаете, кто должен тут делать всю «грязную» работу? Строить пятизвездочные виллы для праведников, сервировать столики в ресторанах, править колесницами с лошадьми – или, как вы видели, утилизировать мусор? Нам требуются электрики, уборщицы, производители сока, монтеры, дворники – положено содержать гигантский штат прислуги. Праведники, что вполне естественно, мусор сжигать не станут. Сюда попадают лучшие из лучших – и они не ожидают, что должны заниматься подобной работой. Ангелов различных рангов в Небесной Канцелярии миллионы, это верно, – но наши сотрудники тоже не предназначены для чистки тротуаров, мытья посуды и стрижки газонов. Требуется их чем-то культурным по работе занимать – уже пятнадцать тысяч одних арфических оркестров создали. Но кому же тогда, извините за цинизм, убирать дерьмо?

– Я понял, – усмехнулся Калашников. – Это гастарбайтеры?

– Именно, – ничуть не смутившись, согласился архангел. – Поэтому мы и были вынуждены ввести тайную квоту для гастарбайтеров, которые, как считается, проникают сюда нелегально. Однако реальность такова, что Рай без иностранных рабочих не проживет. Конечно, официально у нас с этим бо-

рются, есть даже отдел противодействия нелегальной иммиграции: периодически устраиваются облавы, кого-то показательно депортируют.

– А как они проникают-то сюда? – встрял в разговор Малинин.

– Очень просто, – улыбнулся Габриэль. – Приезжают на специальном поезде из *транзитного* зала, а потом проводники-нелегалы подводят их к дырке с левой стороны Райских Врат, где в этот момент отключено электрическое напряжение. Хочу сразу предупредить – попадание людей с тяжкими преступлениями, и тем паче убийц, исключено. Сурен, ваш кучер, отсидел два года за мелкое мошенничество, – по-моему, ничего страшного. Ко всему прочему эти люди не получают денег, потому что в Раю платежные средства отменены. Они работают исключительно во искупление своих грехов.

– Несправедливо, – пробурчал Малинин, не обращая внимания на пинок от Калашникова. – Одни, значит, в *Городе* на сковородке прыгают, а другие – под кокосовыми пальмами коктейли попивают. Эдак и я бы согласился.

– Насколько я видел из вашего досье, вы, молодой человек, попали в Ад за совершенные убийства, а также многочисленные прелюбодеяния, – мягко заметил архангел, и Малинин густо покраснел. – Стало быть, вам у нас даже обычным мусорщиком не было бы позволено работать. Однако мы заговорились, уважаемые братья. Так вот, вы находитесь

официально, по спецпропускам. Еще один спецпропуск на доктора выписать не получится.

– Вашбродь, да на фига нам сдался этот доктор? – взвился Малинин. – В прошлый раз в нашем расследовании уже присутствовал один. И что? Нет, я решительно против. Да вы мировую литературу поднимите! От них одни проблемы. Людоед Лектер кто? Доктор. Маньяк Но из фильма про Джеймса Бонда кто? Доктор. Гауптштурмфюрер СС Менгеле кто? Доктор. Скажу вам, как на духу: мне включение докторов в нашу команду заранее не нравится.

Архангел судорожно сложил крылья, с трудом сдерживая смех.

– Успокойся, братец, – прошептал Калашников, обнимая Малинина. – У тебя, я вижу, еще с детства типичный страх перед докторами. Не все они такие ужасные монстры. Например, доктор Айболит или тот же Ватсон.

– Ватсон? – недоверчиво переспросил Малинин. – И что в нем хорошего? От чего он лечит? Даже непонятно, какой специализации этот доктор. Гинеколог или лор? У него даже имени нет, все только по фамилии называют.

Габриэль приснул. Заглушая веселье, он проглотил новую порцию воды. Рассмеявшись, Калашников тоже поднес бокал ко рту – за беседой он совсем забыл про него. Все дальнейшее, наверное, уместилось бы и в десятую долю секунды. Как в замедленной съемке, архангел инстинктивно бросил взгляд на свой бокал, и его лицо с тонкими чертами неожи-

данно искажилось ужасом. Калашников ощутил сильнейший энергетический удар, треснувший его по лбу мягкой и в то же время тяжелой подушкой. Бокал с чудовищной силой и скоростью вырвался из его руки и, словно комета, отлетел к соседней стене, в которую и врезался, осыпав ее брызгами и сотней мелких осколков. Левой рукой Габриэль жестко отстранил Малинина от подноса.

– Извините, – прохрипел архангел. – Пришлось применить телекинез, причем без предупреждения. Я лишь в сию секунду сообразил по вкусу – у меня в бокале **простая** дистиллированная вода. А вот вам, похоже, налили **святой**. Кто-то только что попытался вас убить, заменив содержимое бокалов.

...Все трое, не сговариваясь, выбежали в прихожую. Секретарши на месте не было, в коридоре отчетливо слышался быстрый цокот каблучков...

Глава тринадцатая

Преступление века

(пятница, 12 часов 11 минут)

Участковый Меринов вновь присел рядом с окоченевшим телом Петровича, вглядываясь в отполированное холодом мертвое лицо. Пожалуй, напрасно. Все, что можно, он уже осмотрел, ничего нового не обнаружит – труп пора отправлять в морг. Убийца выпустил только две пули, обе – с близкого расстояния: одну в грудь, другую в голову. Старик был уже мертв, когда в него стреляли второй раз. Судя по калибру прошедшего насквозь свинца, оружие заграничное. Непонятное убийство переполошило деревню: никто не понимал, из-за чего оно произошло, мотив отсутствовал напрочь. Из дома ничего не взяли, да и брать-то, кроме черно-белого телевизора «Рекорд», попросту было нечего. Конечно, малое количество денег было найдено в заячем тулупе мертвеца, однако соседка покойного, старуха Фрося, уверяла, что бабки у Петровича ничуть не задерживались. Если у него в кармане и появлялся лишний рубль, то дед мгновенно пропивал его до появления следующего лишнего рубля. Жил старик стандартно для сельской местности – естественно, напивался с завидной регулярностью, однако не буянил и телеграфные столбы не валил. Зарабатывал тем же методом, как и боль-

шинство людей в деревне. А где еще «живых» денег взять? Интересно, какому нефтяному олигарху мог помешать старый деревенский алкаш, чтобы на его ликвидацию прислали профессионального убийцу с иностранным пистолетом? Уму непостижимо – вот уж воистину преступление века.

Меринов в последний раз склонился над трупом. Мог ли он что-то упустить из виду? Вряд ли. Судя по всему, его убили несколько дней назад – может быть, в самом начале недели. Точное время уже врачи определяют. Кожа не тронута разложением, потому что в погребке было достаточно холодно. Ткани разве что посерели, кровь-то уже не циркулирует. Не выдержав, участковый хлопнул себя по бедру и произнес яркую тираду, большинство слов которой составляла «мать» во множестве вариантов. Грех материться над покойником, но почему ему так «повезло»? Жил не тужил, до пенсии совсем немного оставалось. Зарплата, правда, маленькая, но и работа – тоже мармелад. Много ли криминала в обычной деревне? При советской власти он в основном самогонщиков ловил, а сейчас и на тех махнули рукой. Какие на селе основные преступления? Да смех один. Скоммуниздят и пропьют поросенка, залезут через забор, оборвут клубнику с огорода... побитая жена прибежит в слезах и соплях, принесет на мужа заявление – а наутро, глядишь, и забирает бумагу. Работа – ну попросту не бей лежачего. А теперь... где ему на старости лет наемных киллеров ловить? Тем более что в детективах Меринов читал – убийцы всенепременно бросают оружие на

месте преступления, дабы потом менты на владельца не вышли. А тут не то что пистолета – гильз стреляных, и тех не оставили: словно подмели за собой. Участковый в двадцатый раз включил яркий фонарь, обшаривая дрожащим пятном света обледеневший пол погреба. Нет, ни единой соринки – все стерильно, как в аптеке. Киллер убил старика двумя выстрелами в упор, после чего поднялся из погреба и аккуратно прикрыл за собой дверь – при этом ничего из дома не взял. Но хоть какой-то же мотив должен быть, верно? Петрович отбил у главаря мафии жену-фотомодел? Исключено. Под личиной пенсионера скрывался оптовый торговец колумбийским кокаином? Тоже сомнительно. Был, конечно, у деда свой крошечный бизнес, но настолько смешной, что даже мало-мальской конкуренции магнатам он не составлял. Раз в два месяца ездил на рынок в Москву, продавал свою продукцию, а деньги старательно пропивал до копейки. Выручка за товар, как правило, составляла не более пяти-шести тысяч рублей: за такие деньги и кошку убивать не станут. А на прошлой неделе из-за **разборок** в деревне стариковский бизнес и вовсе превратился в пшик. Власти перед телекамерами обещали выплатить компенсацию, но когда телевизионщики собрали оборудование и свалили обратно в Москву, обещание было благополучно забыто: обещанного, как известно, три года ждут.

Меринов отвернулся от трупа. Кому этот дед помешал? Определенно его убили за ЧТО-ТО. Шаришься мыслью по

черепу, а понять не можешь. Вроде все в избе на месте, а в то же время... Разумеется, Петровича могли убить из какой-то личной неприязни – в деревне у него враги были. Но не настолько крутые, чтобы заказать киллера-профи: они бы и три рубля пожалели.

Меринов вышел на порог, нащупывая в кармане склеенную изолентой рацию, чтобы вызвать труповозку. В этот момент его осенило. С непривычной для своего веса и возраста кроличьей резвостью он бегом бросился в подвал, поскользнувшись на лестнице и чуть было не свалившись в проем. Фонарик снова вспыхнул, осветив толстенную кадушку в углу. Встав на колени (на корточках уже не мог – затекли ноги), Меринов тщательно разворошил обломки деревянных прутьев в углу, чуть ли не вплотную приближая фонарь. Агаааааа.... **участковый** присвистнул. Ну и жук же ты, дедушка... вот, оказывается, что ты здесь прятал – **то, что отобрали у остальных**. А кто-то об этом маленьком секрете узнал: пришел в гости и вlepил Петровичу пулю между глаз, забрав с собой **его тайну**. Рассчитано верно – никто одинокого бобыля раньше, чем дня через три, не хватится – а там ищи ветра в поле... ай, молодец... Понятно, *от чего* именно эти прутья. Вот тут, за кадушкой, он их и заховал – ни одна живая душа не найдет. Но *они-то* нашли. Значит, дед сам сюда киллеров привел и все показал: как только они убедились, что *искомое* на месте, Петровича убили. В одиночку Меринову с этим делом не разобраться точно – при-

дется звонить в город, чтобы прислали следственную бригаду.

Так, а это, интересно, что такое?

Меринов вынул из кармана прихваченный на всякий случай целлофановый пакет. Надев его на руку, он осторожно прикоснулся к чему-то напоминавшему тонкий стальной волос, тускло блестевший среди деревянных обломков. Кончик его был окрашен во что-то багровое. Внимательно рассмотрев находку, Меринов передумал звонить в город.

Глава четырнадцатая

Лицо убийцы

(пятница, 19 часов 25 минут)

Блондинка еле сдерживалась, чтобы не разреветься. Она то и дело прикусывала нижнюю губу, которая в результате подобных действий уже начала слегка распухать: на тонкой коже выступили бусинки крови. Если бы таинственный RL2 стоял сейчас перед ней, она бы точно не выдержала – завизжала б от ярости, осыпая его самыми отборными оскорблениями. Подумать только! В то время, как она в лучших традициях современного коммерческого триллера выстраивает хитрейшие подковерные ходы, позволяющие превратить гордого Калашникова в безвольную куклу на ниточках, – этот придурок RL2 попытался его вульгарно прикончить! Ну и что теперь начнется? Как раз именно то, чего она до сих пор так тщательно старалась избежать. Говорили же мудрые латиняне – *praemonitus praemunitus*, то есть: кто предупрежден, тот вооружен. Благодаря идиотскому поступку ее виртуального союзника, решившего изобразить рыцаря плаща и кинжала, Габриэль использует теперь все возможности, чтобы обнаружить в своем окружении источник, «сливший» информацию, и Калашникова окружают такой охраной, что пробиться к нему на беседу тет-а-тет и сделать ему инте-

ресное предложение относительно Алевтины будет невероятно трудно. И что самое-то смешное: ничегошеньки RL2 своей шпионской операцией не добился: Калашников жив-живехонек, сегодня весь день ездил по виллам исчезнувших ангелов – и очень может быть, что скоро его расследование принесет совсем ненужные им **плоды**. Вместо того чтобы держать каждый его шаг под контролем, спокойно попивая кофе под пляжным зонтиком, она будет кусать локти – что еще стало известно этому типу? Спасибо тебе, дорогой благодетель RL2. Вот удружил так удружил.

Во время недавней онлайн-беседы она, отбросив полите-сы, спросила RL2 напрямую: «Ты можешь внятно объяснить, **зачем** ты это сделал?» Он не мучился с ответом – буквы почти сразу блеснули на экране: «Не смог остановить себя. Секретарша вышла из приемной, дверь у Габриэля закрыта – благоприятный момент. Я быстро заменил содержимое двух бокалов – благо святая вода везде присутствует в декоративных фонтанчиках».

Ох, если бы она могла ему открыто все высказать... ЕСЛИ БЫ... знал бы он... ну ладно, не нужно продолжать. «Не смог себя остановить»... Взрослый, умудренный опытом человек, а логика – как у трехлетнего ребенка. Понятно, что соблазн был велик, но ведь они условились, что она берет Калашникова на себя. Как работать в таких условиях, когда тебе твой же партнер начинает вставлять палки в колеса? Такое впечатление, что RL2 ревнует к ее методам.

Девушка приоткрыла накрашенный рот, но ее шепот был опять заглушен металлическим звуком – биииииип! Блондинка вонзила ногти в ладонь так, что те помутнели, окрасившись в темно-вишневый цвет. Вот на фига она вообще связалась с этим самовлюбленным идиотом, который корчит из себя гения спецслужб, а на самом деле не в состоянии трезво мыслить? Он хоть понимает сам, как ужасно подставился? Габриэль не идиот. Первое, что он сделает, это проверит всех, кто был в тот день на работе в офисе, дабы выяснить – кто выходил из кабинета и на какое расстояние приближался к его приемной. А ведь RL2 близок к нему... **очень близок.** Он-то и рискует попасть под подозрение одним из первых. И что, если Габриэль и над столом своей секретарши тайком установил миниатюрную видеокамеру? Тогда... Девушка непроизвольно вскрикнула от испуга, разжав пальцы – ладонь начало саднить, она бездумно лизнула поверхность кожи, отгоняя от себя неприятную мысль. Нет-нет... Габриэль и так уже превысил свои полномочия, незаконно установив видеонаблюдение за виллами ангелов, он не захочет новых проблем с Голосом. Если тот узнает, что его личные чертоги оборудовали средствами электронного слежения – Габриэлю точно несдобровать. Кроме того, RL2 уже давно бы повязали, а он еще час назад вовсю чатился с ней по «аське». Вот тупица, а? Но, видимо, такова ее судьба – сотрудничать с толстокожими индивидуумами. Хотя в принципе: глуп или умен RL2 – не так уж важно. Выбора нет.

Он в числе **самых доверенных** лиц главного архангела, отказаться от его услуг означает оглохнуть и ослепнуть одновременно. Он постоянно торчит за спиной у Габриэля, присутствует на всех важных совещаниях, входит в узкий круг приближенных, с которыми тот постоянно советуется. Да и, в конце-то концов, именно RL2 придумал и детально разработал, как осуществить идею, которая мучила *их* столько лет. И мучила бы дальше – в моменты особенно ярких вспышек воспоминаний дракон на ее спине словно оживал, вгрызаясь челюстями между лопаток. Если бы RL2 не работал в Небесной Канцелярии, она могла бы сказать, что у него поистине **дьявольская** изобретательность. Она тоже далеко не дура, но ей такое и в голову не могло прийти. Впрочем, раньше этот метод наверное, и не был бы возможен. Хорошо, что технологии развиваются в нужном направлении: именно поэтому *им* удастся осуществить свою давнюю месть, наказывая *зло*. Блондинка почувствовала, что постепенно успокаивается, она по-детски засунула палец в рот, высасывая кровь из-под ногтя. Да, RL2 совершил УЖАСНУЮ ошибку, но во всем остальном ума у него не отнять. Вот, пожалуйста, он только что переслал ей секретный пароль доступа к видеокамерам, и теперь она может наблюдать за ангелами, подключившись к системе: кто из них в какое время вернулся домой. Хотя это скорее для самоуспокоения: вечернее расписание каждого из «крылатых ребят» она и без того знала прекрасно, особым разнообразием оно не отличалось. Поплывать в

бассейне, попить сока на веранде, отправиться спать. А что еще делать, если экстремальных развлечений в Раю не было и нет, а живешь ты вечно? При таком раскладе лет через пятьсот надоело бы даже в Лас-Вегасе. Существует одно неформатное развлечение – туристические поездки в *Город*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.